

Фабрицио Дори

Гогеи

Другой мир

18+

УДК 82-94:75(084.1)
ББК 84(4Фра)6-80:85.143(3)
Д68

Литературно-художественное издание

Фабрицио **Дори**

Гоген

Другой мир

Перевод с французского **Инны Солодковой**

Издано с разрешения SARBACANE CREATION

На русском языке публикуется впервые

Возрастная маркировка в соответствии
с Федеральным законом № 436-ФЗ: 18+

Руководитель редакции *Анна Сиваева*
Литературный редактор *Дарья Балтрушайтис*
Научный редактор *Анна Шапочкина*
Арт-директор *Елизавета Краснова*

Дизайн обложки, верстка, леттеринг *Елена Мнацаканян*
Корректоры *Мария Кантурова, Дарья Балтрушайтис, Ирина Тимохина*

Оригинальное название книги:
GAUGUIN, L'AUTRE MONDE

© Sarbacane, Paris, 2016

© Перевод на русский язык, издание на русском
языке. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2019

Все права защищены.
Никакая часть данной книги не может быть
воспроизведена в какой бы то ни было форме без
письменного разрешения владельцев авторских прав.

ООО «Манн, Иванов и Фербер»
mann-ivanov-ferber.ru
vk.com/mifcomics
instagram.com/mifcomics
telegram.me/mifcomics

ISBN 978-5-00146-426-6

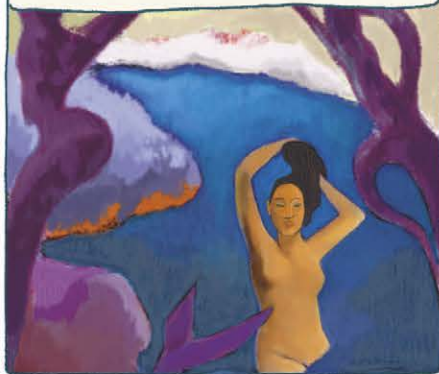
Прежде острова Раиатеа и Тахаа были одним большим островом – Хаваии'Нуи, «Великий край, призванный и обретенный».

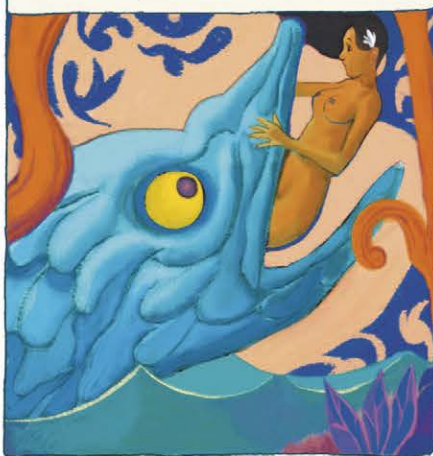
Однажды священнослужители построили на нем храм Мараэ. Ничто не должно было нарушать покой этого святого места: ни петух не запоет, ни человек не ступит на порог.

Прекрасная девушка по имени Тере-хе, что означает «Плохое намерение», нарушила запрет. День за днем она приходила купаться в реке, что текла возле храма.

Боги разгневались и обратились за помощью к Великому Угрю Туна-нуи, и он проглотил девушку.

Угорь, в которого вселилась душа Тере-хе, впал в ярость. Он принялся вырывать из земли деревья, швырять огромные скалы и пожирать жителей острова. Проглотив всё, что было вокруг, Туна-нуи превратился в гиганта.

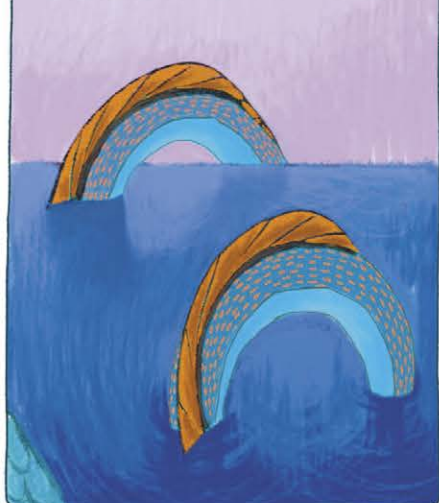
Тогда боги призвали Великого шамана Тураху-нуи.

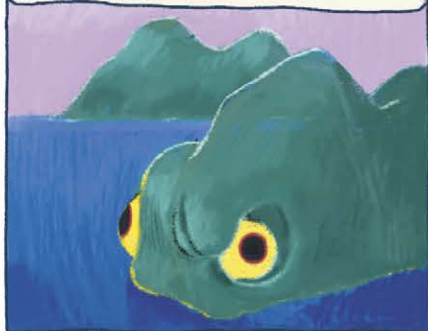
С помощью магии шаман приручил чудовище. Он оседлал Туна-нуи и увел ужасную рыбу на юго-восток от острова.

С этого момента Великого Угря стали называть Великим Преображенным.

Один его спинной плавник, высокий и острый, стал горным хребтом, из которого вырос остров Таити. Второй спинной плавник, что поменьше, превратился в хребет острова Муреа.

Теперь гигантская рыба могла отдохнуть. Но ей было трудно оставаться неподвижной. И тогда к острову Таити на лодке отправился отряд воинов. Они решили подрезать Великому Угрю сухожилия, чтобы он больше не смог двигаться.

Среди воинов был знаменитый Тафа'и. Он соорудил каменное тесло, самое большое из когда-либо существовавших. Оружие оказалось страшно тяжелым, никто другой не мог его поднять.

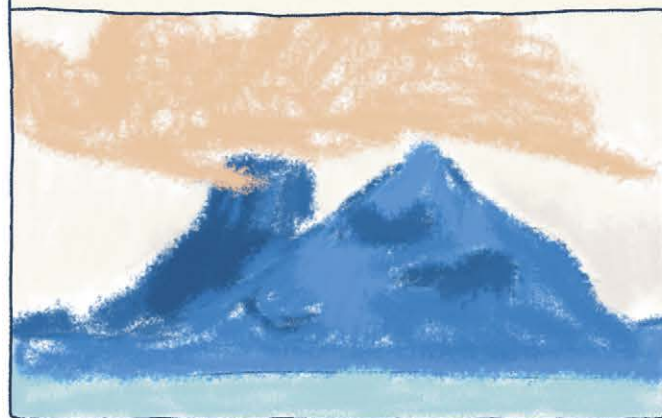
Тафа'и призвал повелителя океана Тино-руа, и тот сделал тесло настолько легким, что его мог удержать даже ребенок.

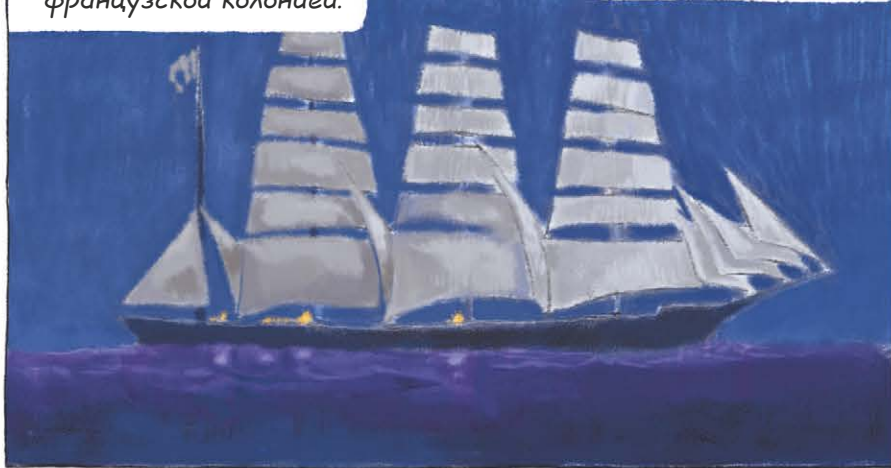
Тафа'и перерезал угрю все сухожилия и мускулы. Тогда-то остров Таити и приобрел ту форму, которую мы видим сейчас.

Тафа'и и его воины стали королями острова. Через много поколений их потомки увидели, как сбылось старое пророчество, гласившее: «Однажды приплывут люди на большой лодке. Они будут одеты с головы до ног».

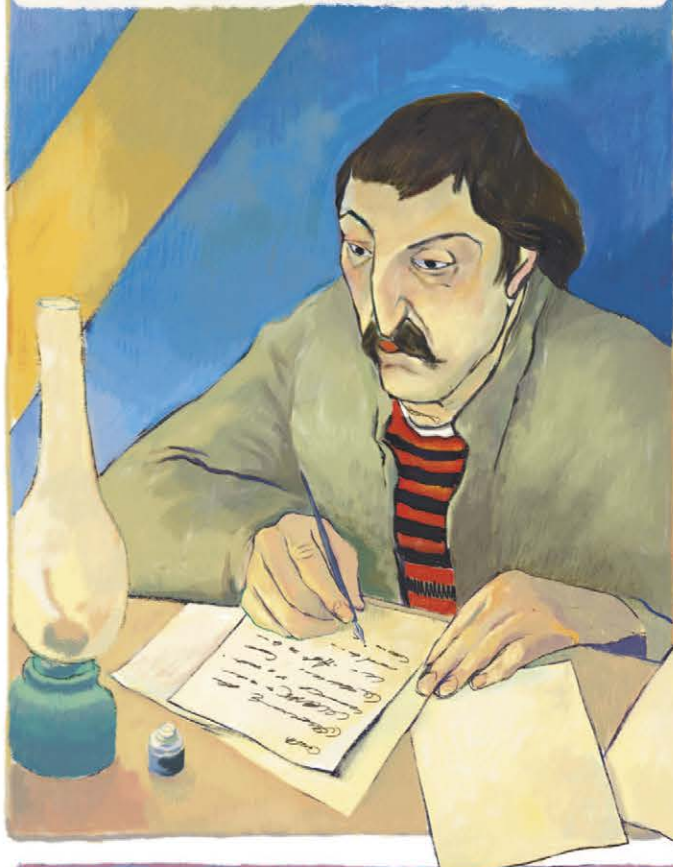
В ночь на 9 июня 1891 года, после шестидесяти трех дней плавания, Поль Гоген прибыл на Таити. Остров был обнаружен в 1767 году английскими мореплавателями, а в 1880-м стал французской колонией.

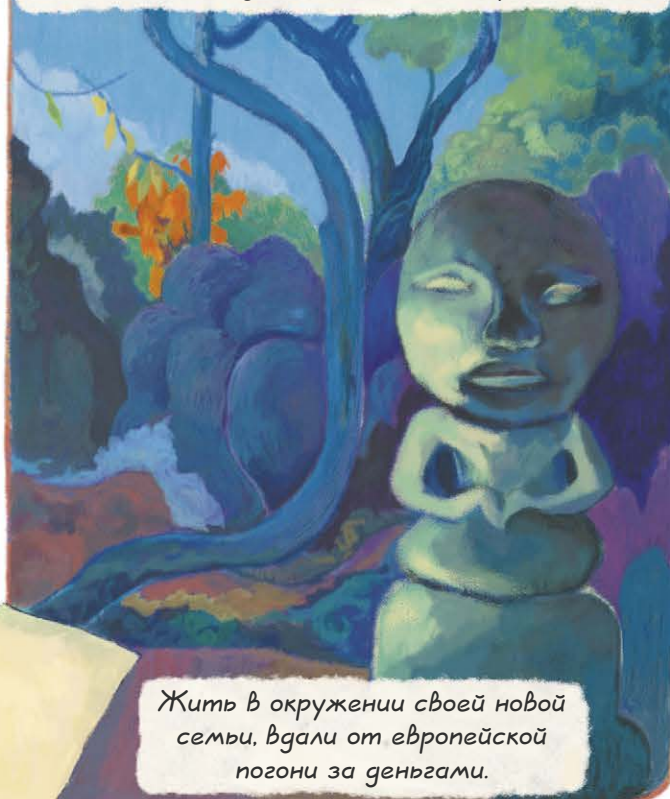
Гоген сошел на землю в Папэте, портовом городе, основанном британским миссионером Уильямом Круксом в 1818 году.

Гоген навсегда распрощался
с Европой и прежней жизнью:

«Придет ли день, когда я отправлюсь
в девственные леса Океании и стану там
жить, наслаждаясь покоем и искусством?»

Жить в окружении своей новой
семьи, вдали от европейской
погони за деньгами.

Там, на Таити,
в тишине тропических ночей
я буду слушать
беззвучную
мелодию сердца,
которое бьется
в гармоничном
ритме любви
к таинственным
существом,
окружающим
меня.

Наконец я буду свободен и смогу не думать
о деньгах, я буду петь, любить – и умру спокойно.

1

Манао Тупанау

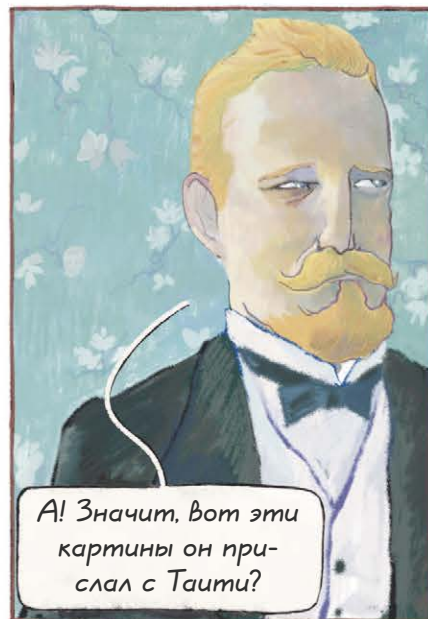

Дух мертвых не дремлет

Копенгаген, март 1893 года

Какой идиотизм!

А! Значит, вот эти картины он прислал с Таити?

М-м-м... Странно...

Вы об этой картине? Он не продаст ее дешевле 1500 франков... Говорит, что иначе картину нужно оставить.

Париж, декабрь 1893 года

Видишь вон тот дом? Там моя новая мастерская.

Снаружи выглядит не очень... Как там его называют?

Бато-Лавуар!* Там раньше были мастерские, делали пианино. Подожди, ты еще не заходишь внутрь!

Извини, Максим**, но сначала я хочу заглянуть в мастерскую твоего приятеля Гогена. О ней столько разговоров!

По слухам, у него там стены выкрашены желтым хромом и на них висят маорийские топоры, копья и амулеты! А еще якобы он живет с попугаем, обезьянкой и любовницей-мулаткой.

С тех пор как он вернулся с Таити, Гоген стал звездой!

Говорят, он пришел на свою выставку у Дюран-Рюэля в костюме мадьяра XVII века! Во дела!

Лучше бы все обсуждали его картины, а не выходки. Живопись Гогена – это нечто невероятное!

* Бато-Лавуар (фр. Bateau-Lavoir, «корабль-прачечная») – знаменитое общежитие художников на Монмартре.

** Максим Мофра (1861-1918) – первый художник, поселившийся в Бато-Лавуар.

Еще как обсуждают, Максим! Говорят:
«Если хотите позабавить детей,
приведите их на выставку Гогена. Там они
увидят красочные фигуры, обезьянок,
растянувшихся на дильярдном сукне,
и везде подписи на таитянском наречии».

Жаль его: продажи
были мизерными.
Под конец дня Поль
плакал как дитя.

Моне и Ренуар называли
живопись Гогена
«откровенно плохой».

А Писсарро* сказал, что
эту экзотику он явно
содрал у канаков**!

Ну, импрессионисты
теперь новые академисты!
Из моды-то они уже вышли.

Монфрейд сказал мне по сек-
рету, что Гоген подумывает
уехать навсегда, совсем
исчезнуть...

Хочет окончить свои
дни на свободе. В спо-
койствии, перестать
сражаться с дураками.

Вы были правы. Это
отличное место для
занятий живописью.

Здесь так светло!

* Камиль Писсарро (1830-1903) – французский художник, один из первых импрессионистов.

** Канаки – коренные народы Меланезии.

Бретань, ноябрь 1894 года

Это место не имеет ничего общего с моими воспоминаниями. Не нужно было возвращаться. Здесь вдохновения не дождешься.

Решено!
В декаде
возвращаюсь
в Париж и про-
даю всё, что
осталось.

Как только получу
деньги, отправлюсь
в Океанию. Тут меня
ничто не держит.
Уеду – и больше
не вернусь.

Ладно, хватит
ныть, Гоген!
Сперва тебе надо
восстановить
здоровье.

Да, Сегин*, ты
прав. У меня нет
сил, устаю от этой
ходьбы по сугробам.
Пошли домой.

Давай лучше поговорим
о живописи, это меня всегда
бодрит. Вот слушай...

Живопись – это
язык. А краски –
алфавит.

Красный – это вертикаль,
активность, движение
вверх. Синий – горизонталь,
спокойствие. Желтый –
наклонный, обманчивый.

* Арман Сегин (1869-1903) – художник и иллюстратор, друг Поля Гогена, Эмиля Бернара и Поля Серюзье.

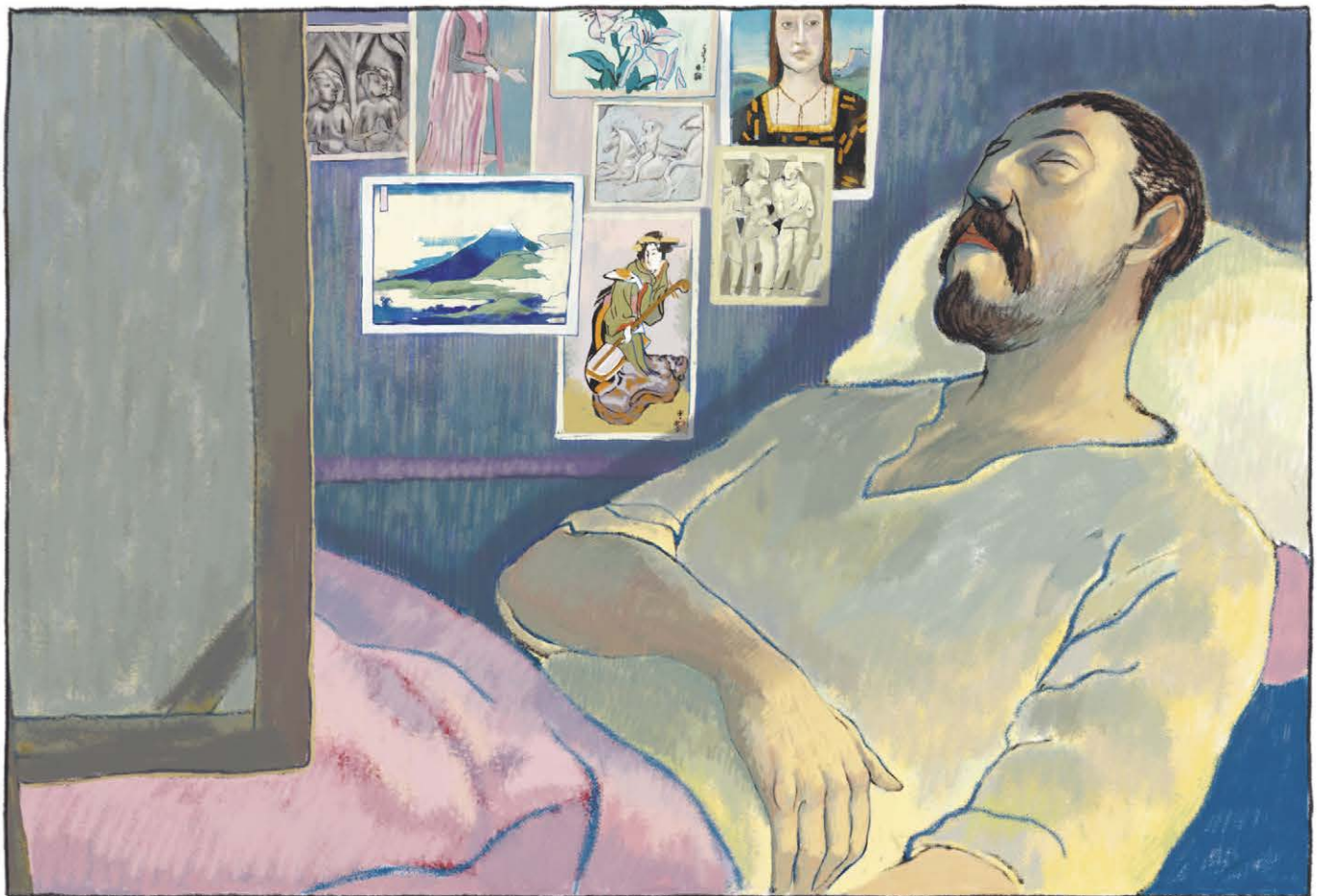
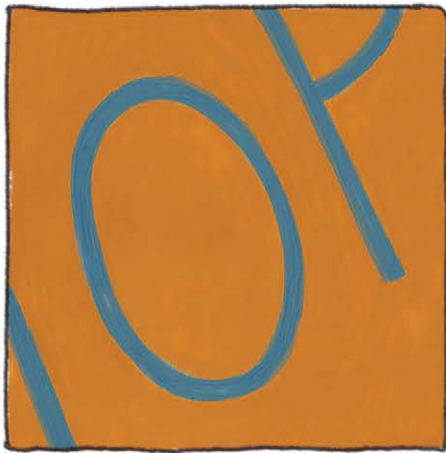
* Август Стриндберг (1849–1912) – шведский писатель и публицист.

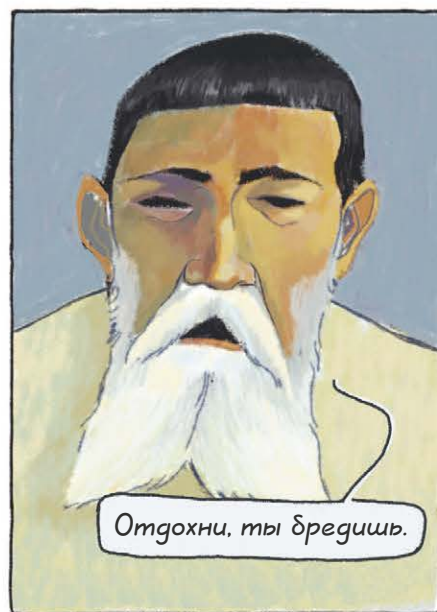

* Альбер Орье (1865-1892) – французский поэт, арт-критик и художник-символист.
** Одилон Редон (1840-1916) – французский живописец, один из основателей символизма.
*** Стефан Малларме (1842-1898) – французский поэт-символист.
**** Поль Верлен (1844-1896) – французский поэт, импрессионист и символист.
***** Из книги Артюра Рембо «Одно лето в аду» (1873).

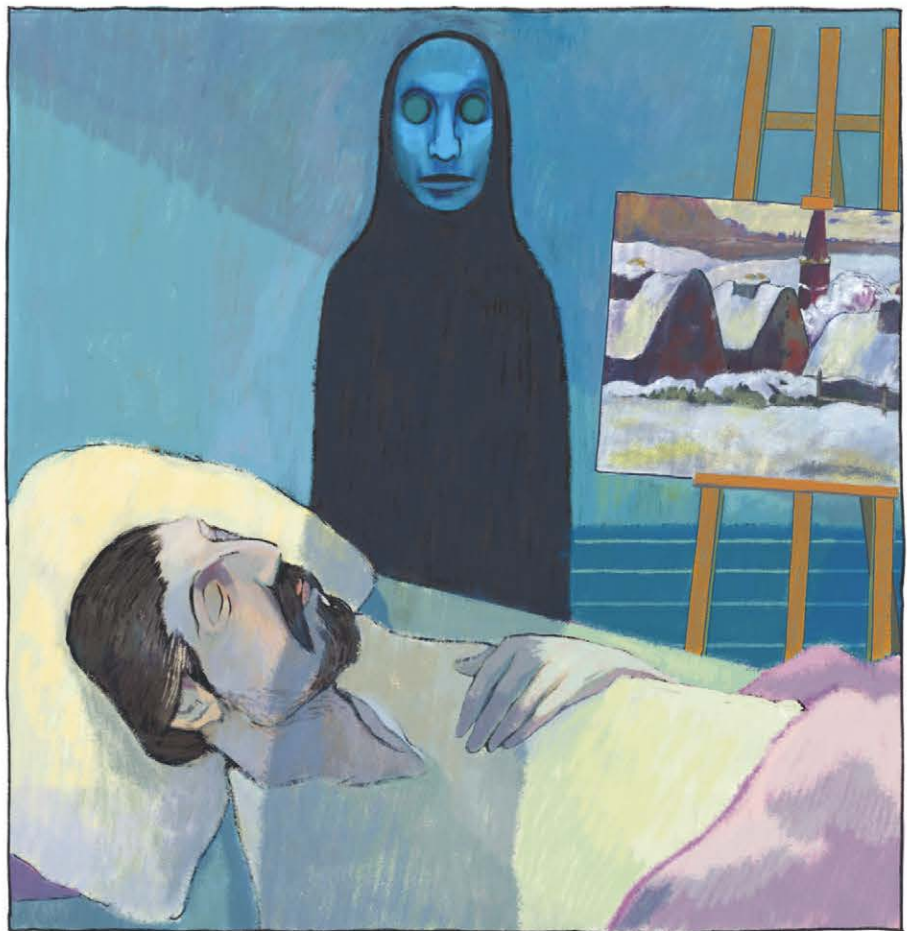
Хива-Оа, Маркизские
острова, май 1903 года

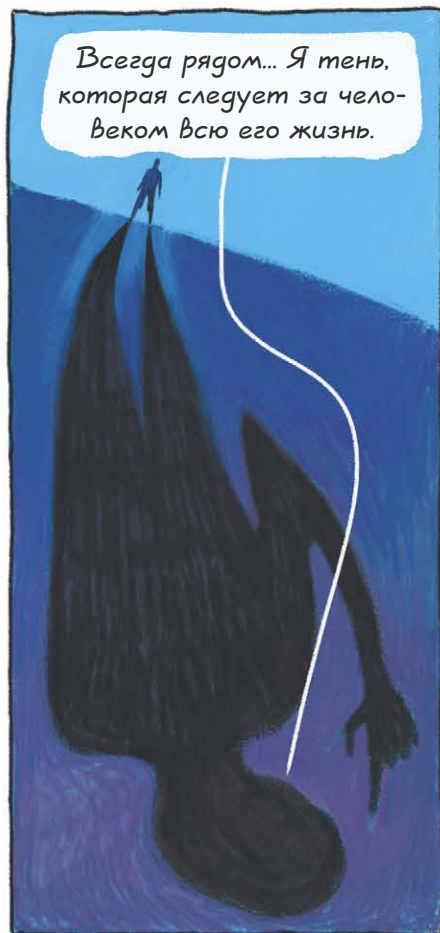

На остров Мурее, к горе Ротуи,
туда, откуда мертвые навсегда
уходят из этого мира.

Я никогда никого не провожаю.
У белых свой собственный
путь, свои боги. Но мои братья,
духи островов, попросили
меня пойти с тобой.

Почему?

Когда-то, в незапамятные
времена, люди и боги
могли общаться.

Но теперь только
я имею возможность
говорить с людьми,
и то лишь когда
они умирают.

Много лет назад мои
братья увидели, как ты
пришел сюда. Раньше
мы никогда не встречали
такого человека: ни среди
белых, ни среди местных.

И есть кое-что,
о чем они особенно
желают узнать. Один
поступок, который
они хотят понять.

Им нужна история
твоей жизни, чтобы
хранить ее вместе
с историями других
людей, живших
на островах.

Что же они
хотят узнать?

Настанет мо-
мент, и я спрошу
тебя об этом...

2

Te no

Бесконечная ночь

Свет...

Ослепительный свет Перу.

Продолжай...

Когда наша семья покинула Париж, мне едва исполнился год. Отец был журналистом и антимонархистом. С приходом нового правительства ему пришлось уехать из Франции.

Мы решили переселиться в Перу и пожить в Лиме, в семье моей матери.

Путешествие было очень тяжелым. Отец умер, прежде чем мы достигли берега.

Мы с матерью и сестрой добрались до Лимы и поселились у маминого дяди, состоятельного дона Пио де Тристиана и Москосо.

Мы были счастливы. Я чувствовал себя свободным и любимым. А мама была такая красивая!

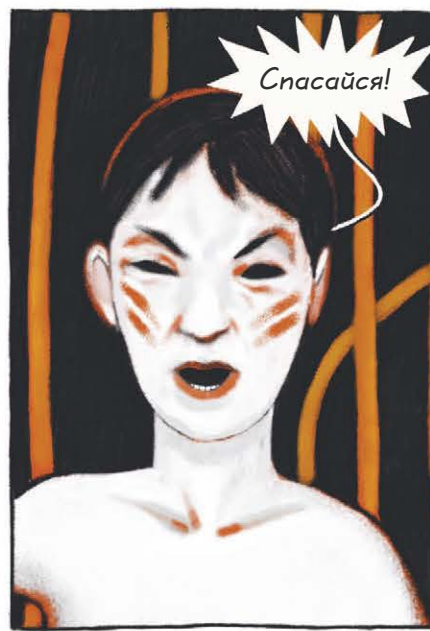
Шесть лет спустя мы вернулись во Францию.

И вот я смотрю в окно на чужой мне край, холодный и серый...

Я возненавидел это место. Оно стало для меня тюрьмой. Другие дети, учителя... Я не понимал их, а они не понимали меня.

Спасайся!

Когда мне исполнилось семнадцать, при первой же возможности я сел на торговый корабль, плывший в Южную Америку.

Будучи в Индии, узнал о кончине моей любимой матери.

Я хотел вернуть свободу, которую у меня отняли. К девятнадцати годам я уже совершил кругосветное путешествие.

Затем вернулся во Францию, в Париж.

Перед смертью мать назначила мне опекуна — Гюстава Ароза, старого друга семьи.

Ароза был большим любителем живописи. Он обожал импрессионистов, которые в то время получили шумную известность.

Тебе, наверное, непонятно, о чем я рассказываю.

Язык белых людей трудный. Вы часто говорите о непонятных вещах. Но тебе не стоит беспокоиться. Не забывай, кто я...

По твоим словам я узнаю твое сердце.

Ароза нашел мне работу: я стал биржевым агентом.

Зарабатывал прилично, жил обеспеченно и к тому же общался с парижскими художниками.

Я начал заниматься живописью. В свободное время, как любитель, просто для себя.

Потом женился на красавице датчанке по имени Метте. Познакомился с импрессионистом Писсарро, и он стал моим учителем.

Мне удалось показать свои картины на выставке импрессионистов. А это огромная удача для такого самоучки, как я.

Постепенно творчество стало занимать все мои мысли. Я всё больше времени отдавал живописи.

Искусство требует жертв! Надо пробовать и пробовать, не бояться каждый раз начинать сначала. Мы лишь на мгновение достигаем неба, а потом приходится двигаться к нему заново. Но идея, явившаяся на миг, сильнее всего остального.

Мы снова обрели свободу!

В конце концов я потерял работу на бирже. Освободившись от этого бремени, я полностью посвятил себя живописи.

К черту твою живопись!

Я был уверен, что добьюсь успеха и смогу зарабатывать на жизнь искусством. Мой талант непременно признают.

Они будут нами восхищаться! Они полюбят нас!

Мы снова обретем свободу!

Но всё получилось не так. Деньги кончались, и Метте решила переехать к родителям в Копенгаген.

Я пошел работать: стал торговым представителем и продавал непромокаемые ткани.

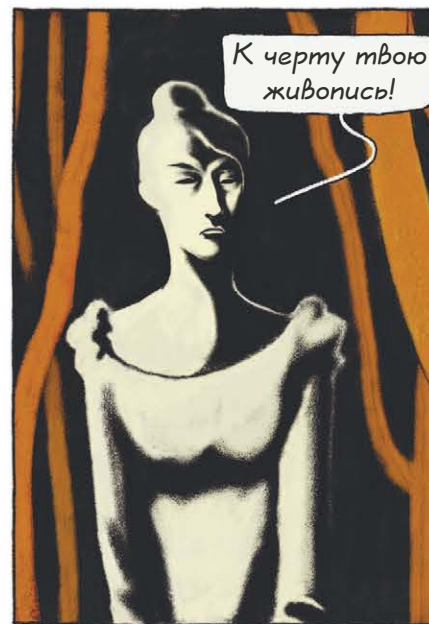
И ненавидел такую жизнь. А семья Метте ненавидела меня: ведь я ничего не приносил в дом.

Бежим отсюда! Это тюрьма! Здесь как в школе! Они презирают нас! Они не понимают нас!

Я вернулся в Париж, хотел поддержать семью так, как мог, — с помощью живописи.

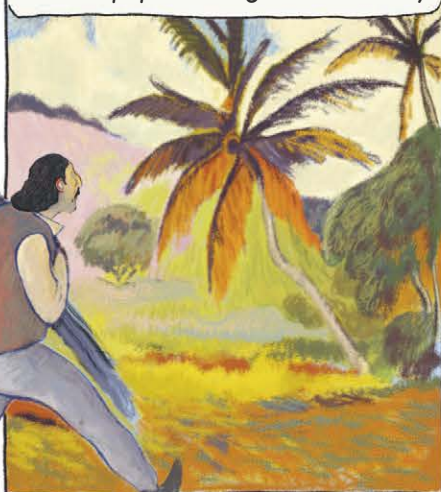
К черту твою живопись!

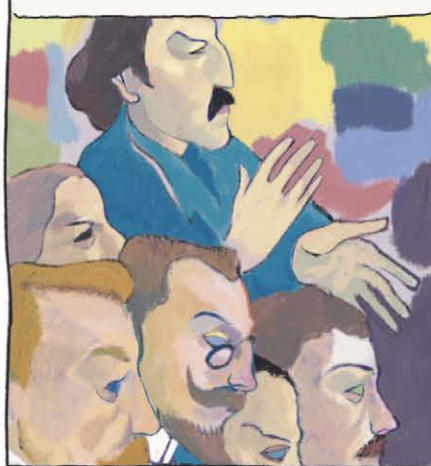
Моя живопись стала намного
смелее, сильнее, независимее,
а мое видение – глубже.

Выйдя за пределы импрессио-
низма, я отважился исследо-
вать сферы, неведомые никому.

Вокруг меня собралась
небольшая группа художников,
для которых я был духовным
наставником.

В Париже я обрел репутацию
и влияние, особенно в среде
символистов.

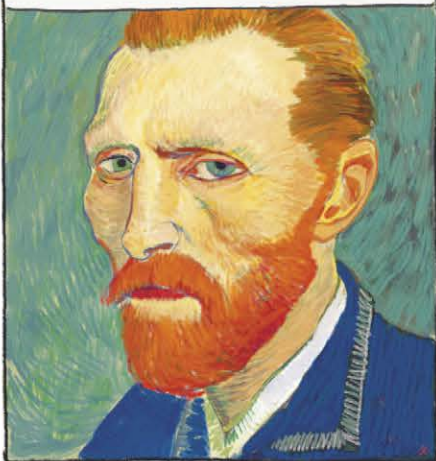
Но этого было недостаточно!
Это не тот успех,
к которому я стремился.
Мне хотелось совершить
революцию в живописи!

Я жаждал больше про-
странства, больше свободы.

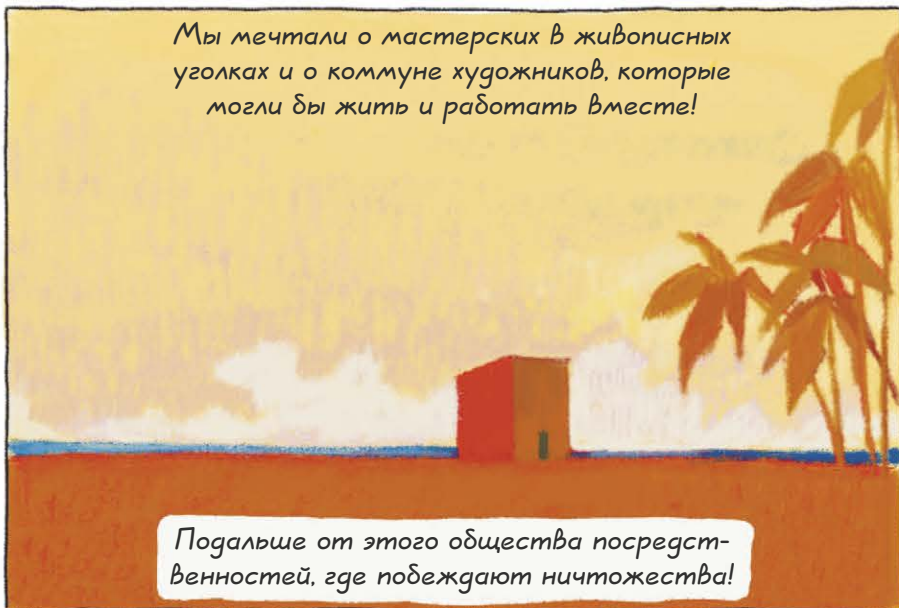
Среди множества художников, которые ценили мою живопись, особо выделялся один – Винсент Ван Гог.

Мы были очень разными. Однако наши взгляды на искусство и наши надежды совпадали.

Мы мечтали о мастерских в живописных уголках и о коммуне художников, которые могли бы жить и работать вместе!

Подальше от этого общества посредственностей, где побеждают ничтожества!

Но всё закончилось иначе. Я уехал один...

Прочь отсюда!

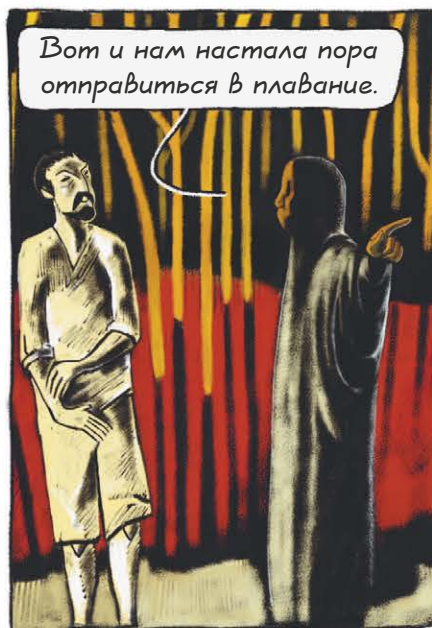

Мысль покинуть Европу не оставляла меня. Я мечтал увидеть новый мир.

В 1891 году мне удалось реализовать этот план. Я сел на корабль, который отплыл из Марселя к берегам Таити.

Вот и нам настала пора отправиться в плавание.

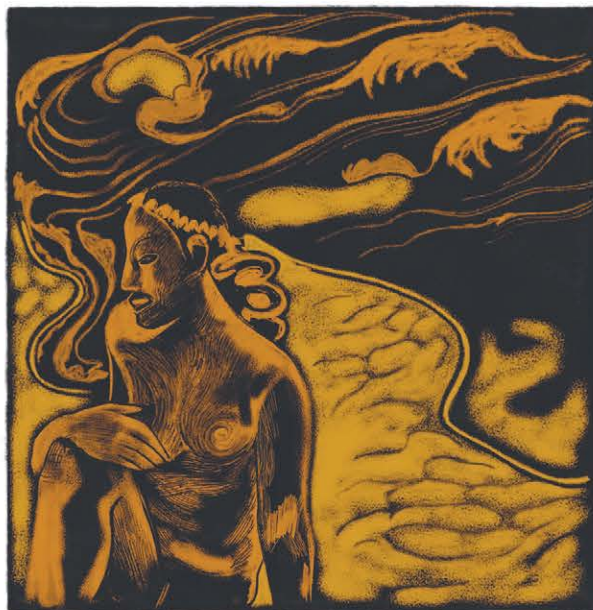
Но многое придется оставить на берегу...
В лодке не хватит места для всех твоих
воспоминаний и призраков.

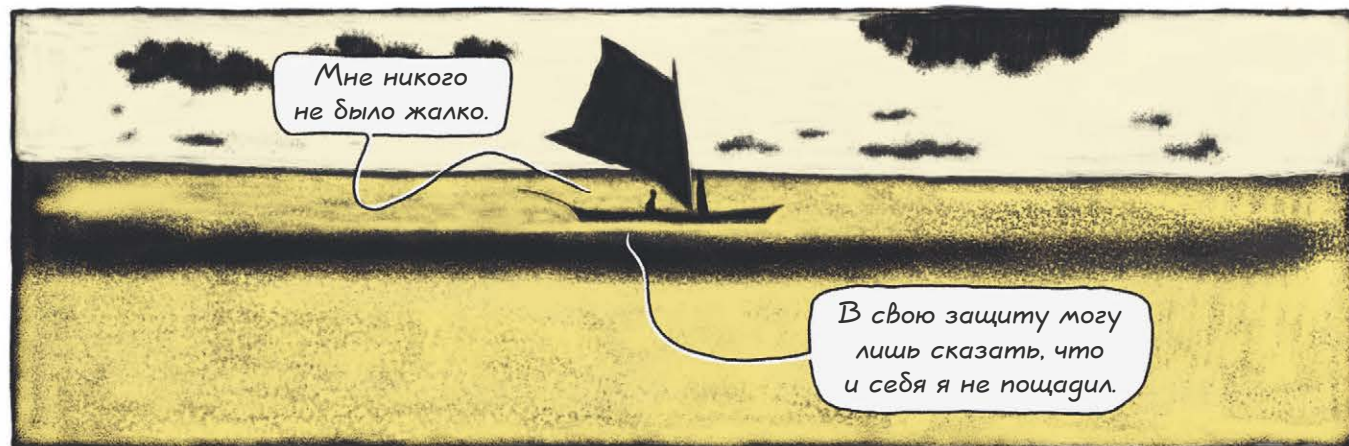
Мне не впервой путеше-
ествовать налегке.

3

Те набе набе фенуа

Сладостная земля

Меня всегда критиковали
за упрямство, но я шел
к своей цели!

Я должен был
бороться!

И поступал так, как считал нужным.
Не принимая ни советов, ни упреков.

Стал ли ты в итоге
счастливым?

Это был мой путь
в поисках счастья...
счастья художника.
Наверное, не все
меня поймут...

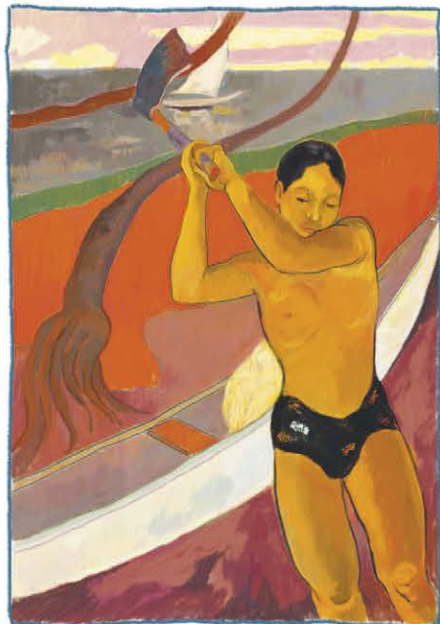
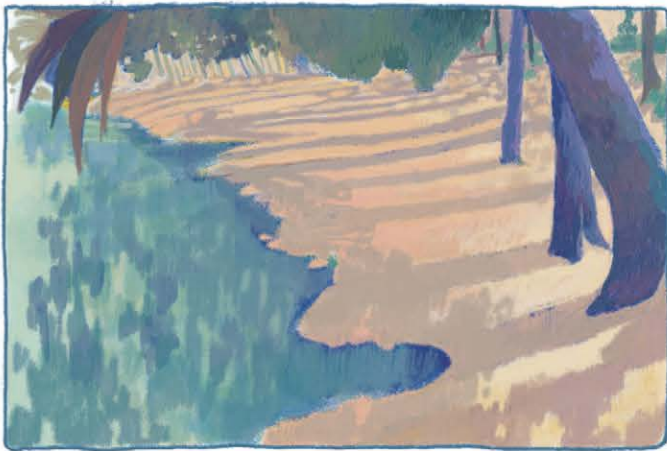
И здесь его нет,
оно принадлежит
другому миру.

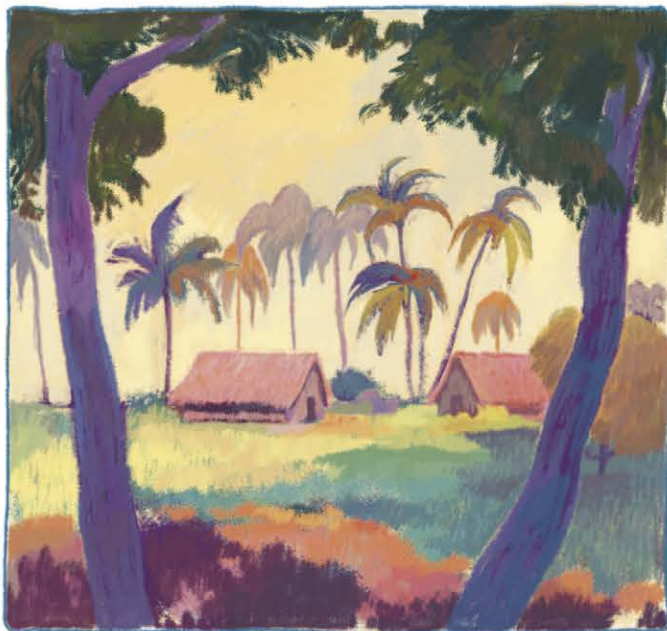
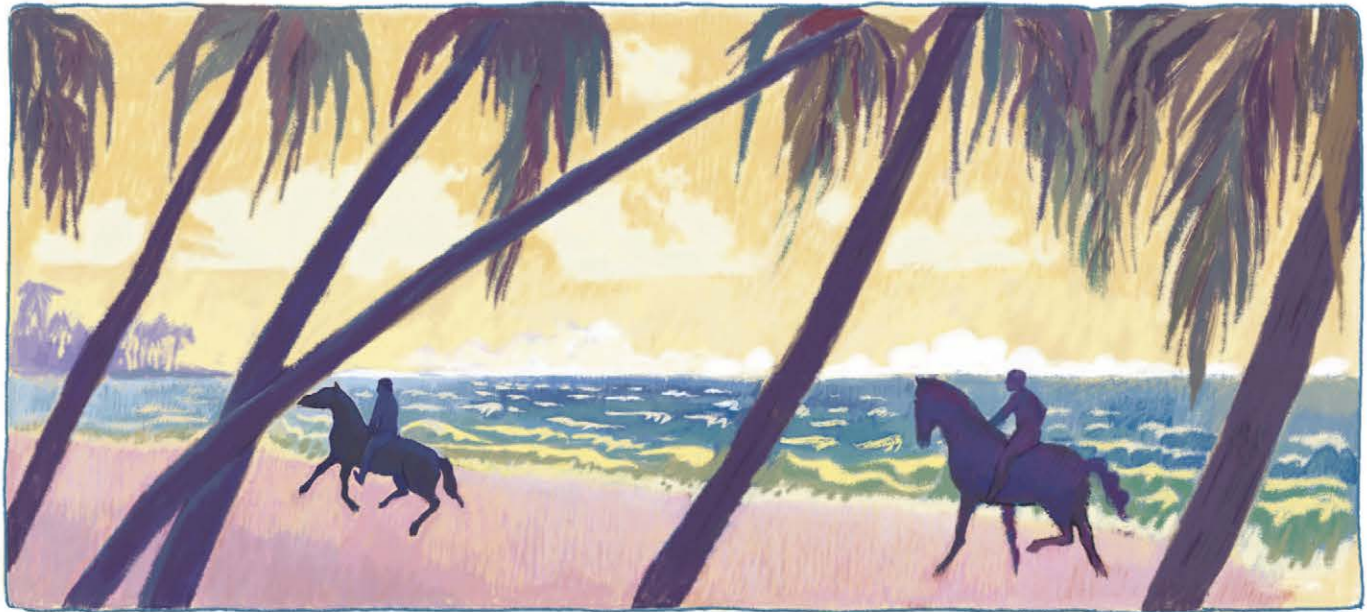

Ты нашел его
на Таити?

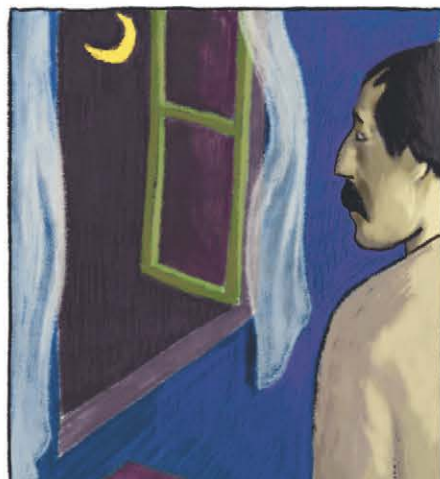
На Таити... да...

Сегодня был в районе
Матайза, в сорока пяти
километрах от Папээте.

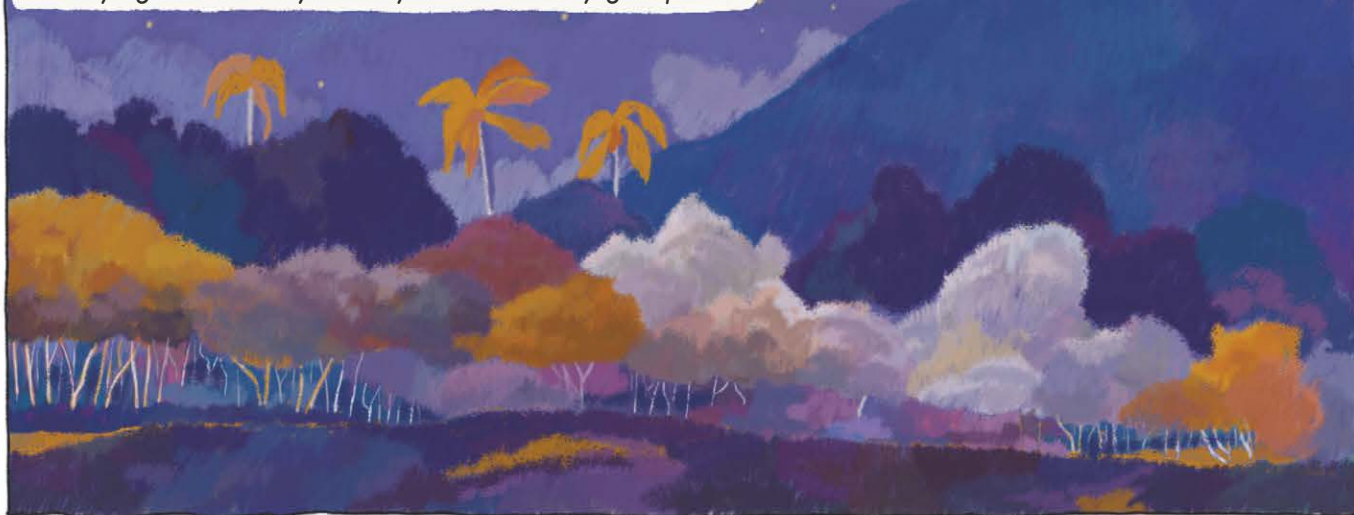

Наконец я нашел следы этого
далекого и таинственного
прошлого, которое искал.

Я слишком долго жил в Папээте –
городе колонистов. Он похож на Европу,
от которой мне хотелось освободиться.

Я сделал свой выбор! Буду жить жизнью туземцев
и блуждать по лесу. Стану собой! Стану дикарем!

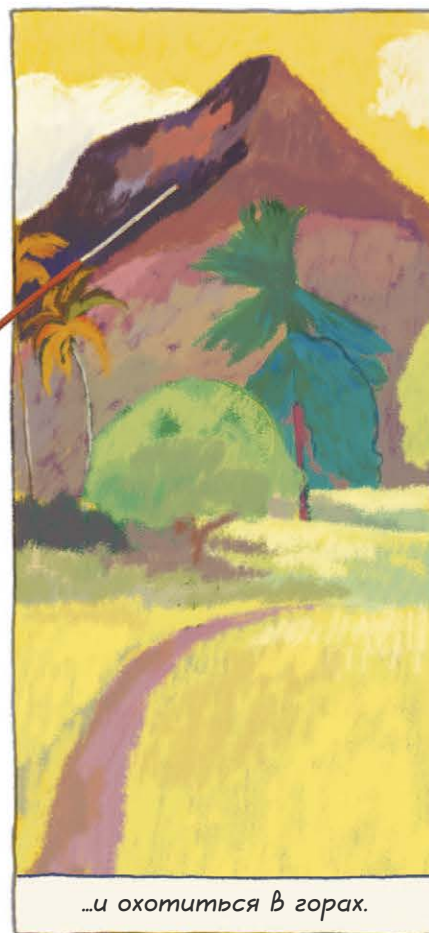
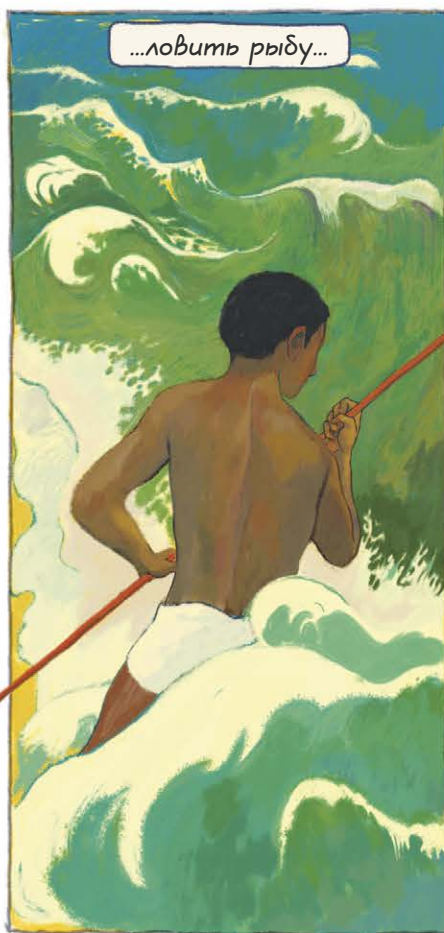
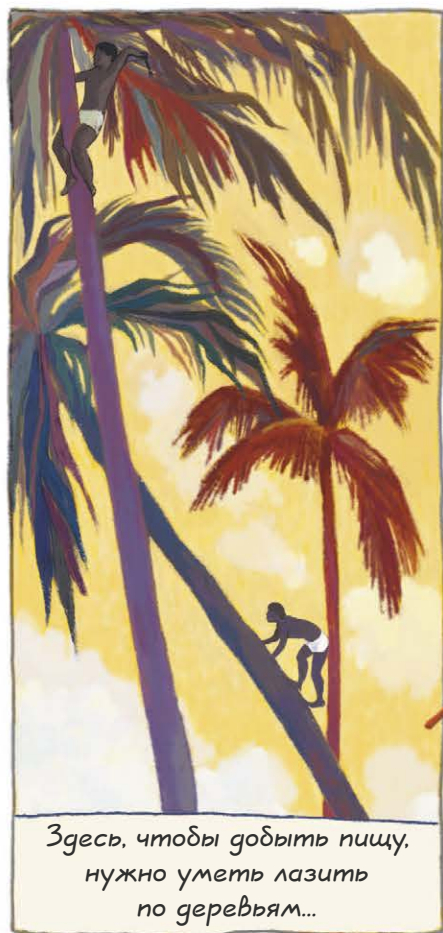

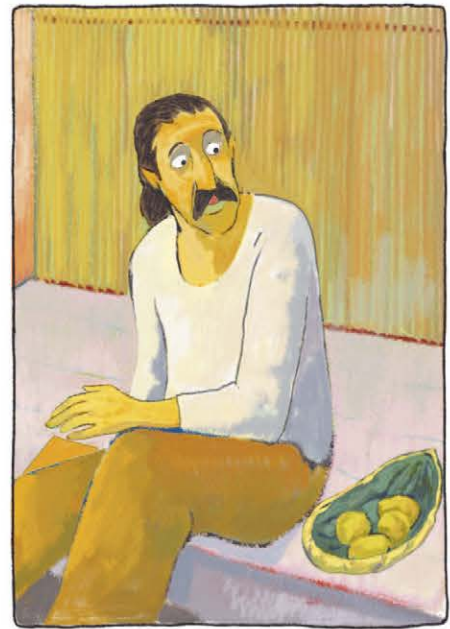
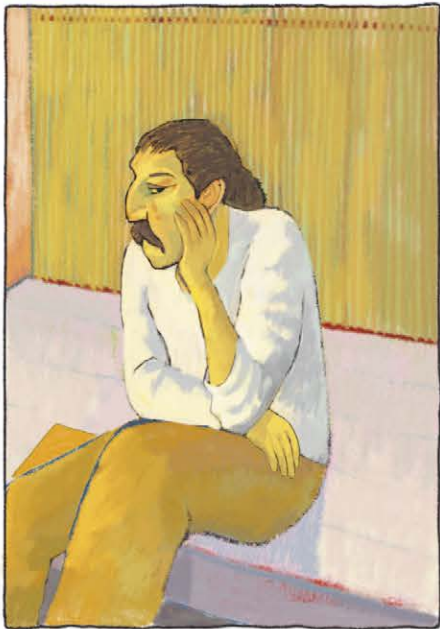
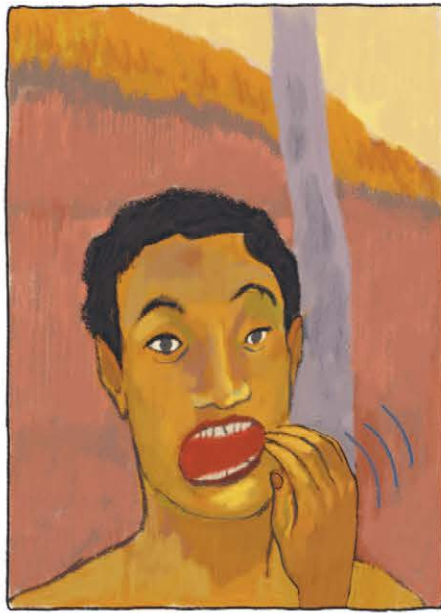
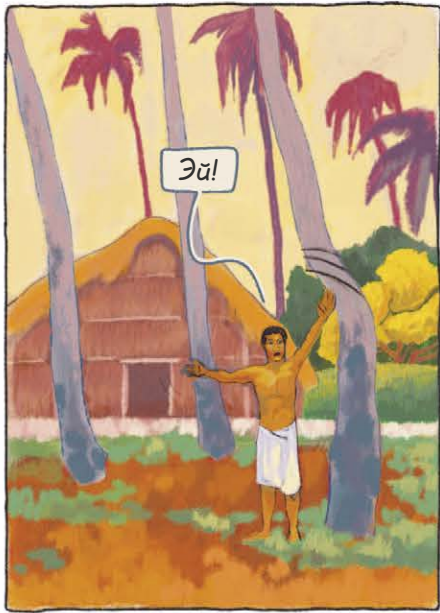
За небольшие деньги я купил хижину. В которой от неба
меня отделяла лишь тонкая лиственная крыша.

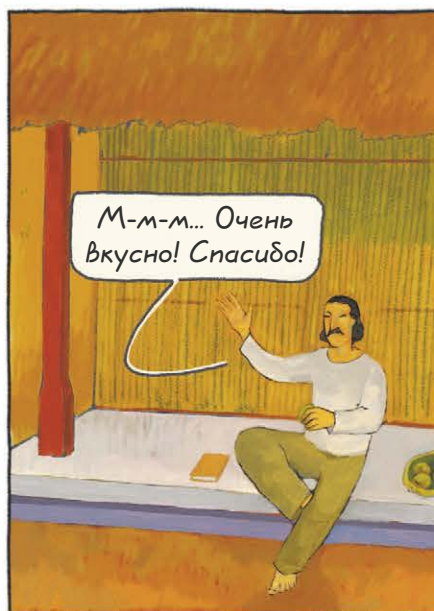
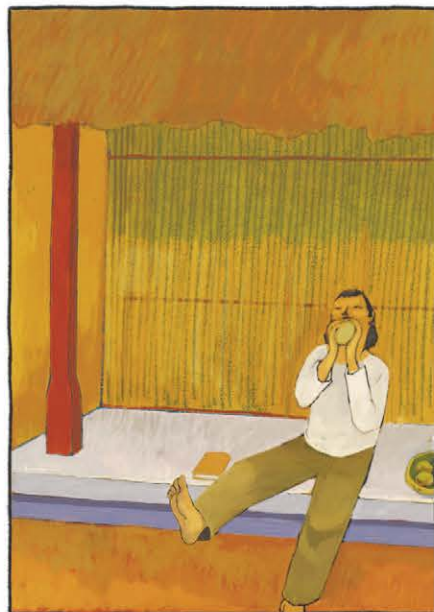
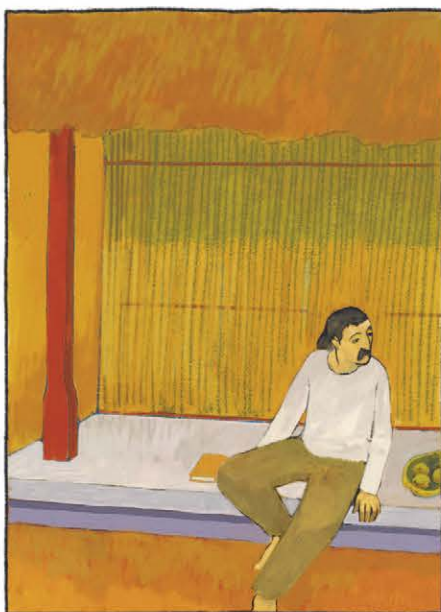
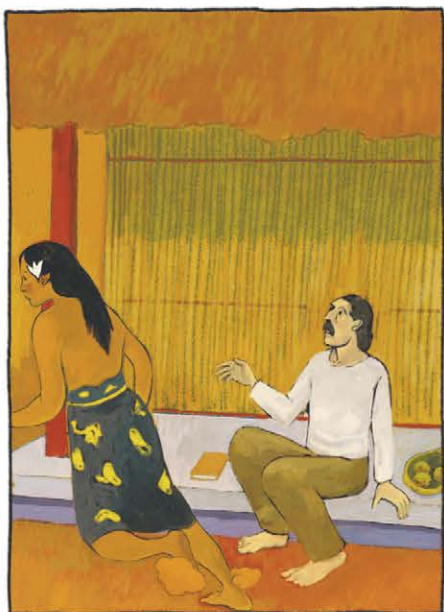

Здесь я познал тишину таитянских ночей...

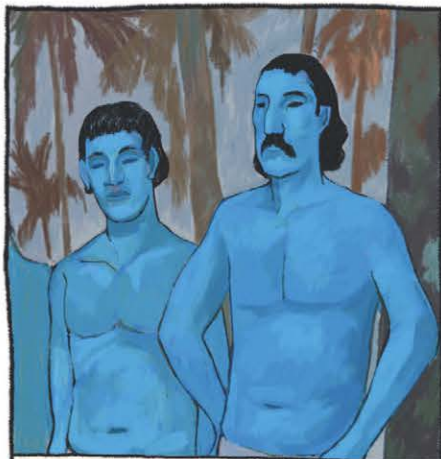
Нем?

Я подружился с местными жителями.

Одевался и ел как они.
Когда не работал, то проводил время так же, как они: беспечно и радостно.

И всё же эти люди оставались для меня загадкой, они не переставали удивлять.

Однажды вечером один старик сказал:

У нас в деревне разрушаются хижины. Дырявые крыши не защищают от дождя.

Это несправедливо: каждый должен иметь крышу над головой. Предлагаю собраться всем вместе и построить новые дома.

Все были согласны со стариком.

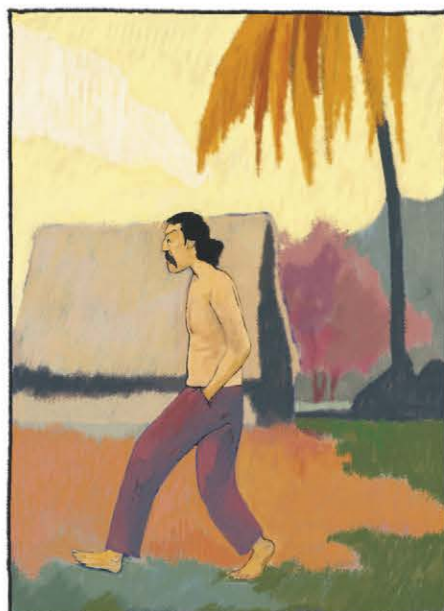
Да.

Хорошо.

Правильно.

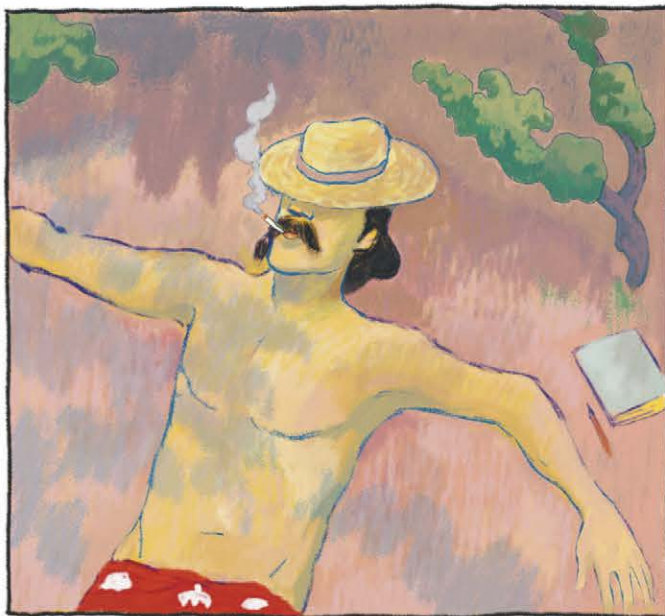

«Какой мудрый народ!» – подумал я.

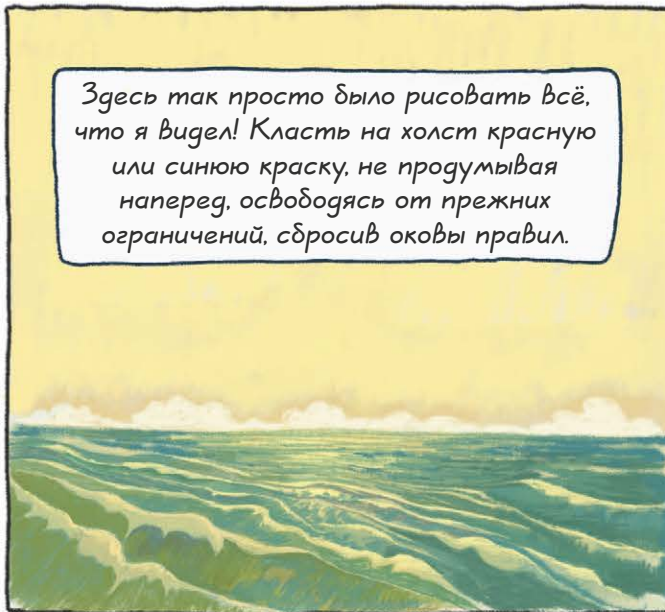

Здесь я узнал, что такое легкость;
прежде никогда ее не испытывал.

Мой разум освободился
от старого бремени.

Здесь так просто было рисовать всё,
что я видел! Класть на холст красную
или синюю краску, не продумывая
наперед, освобождаясь от прежних
ограничений, сбросив оковы правил.

Увлечёшься волшебством окру-
жающего мира было так легко!

Каждый день казался приятнее и прекраснее предыдущего. Я начал неплохо понимать местный язык.

Стал думать и действовать просто и постепенно отвыкал от цивилизации.

Нашел друга. Его звали Иотефа.

Он приходил ко мне каждый день. Любил смотреть, как я рисую и занимаюсь скульптурой. Иотефа был заворочен тем, что я делал.

Хочешь попробовать?

Я? Нет!
У меня так не получится!

Ты человек, который делает людей. Ты способен на то, что другим не под силу!

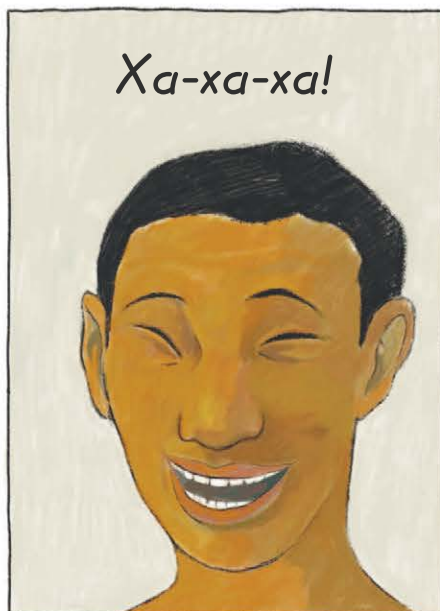
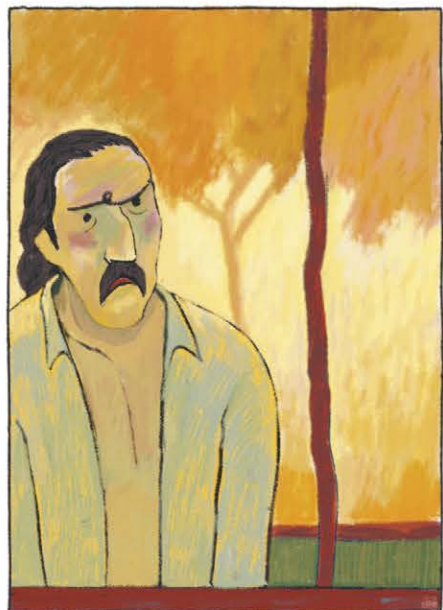

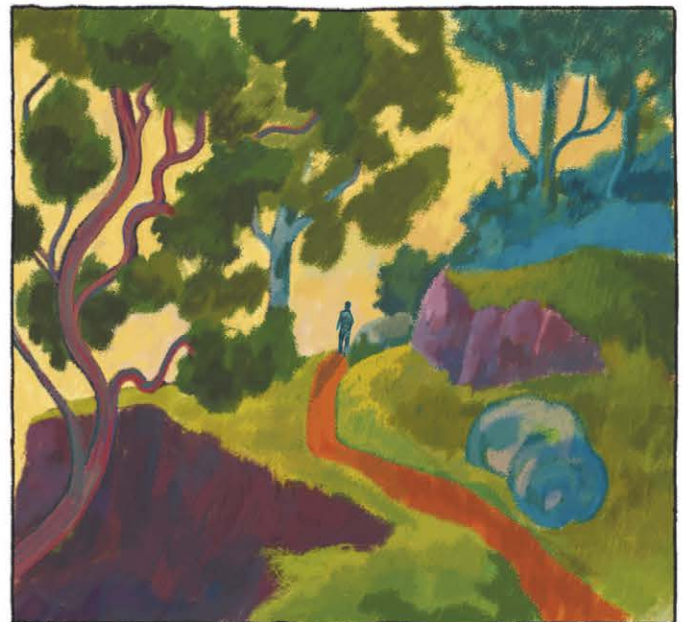
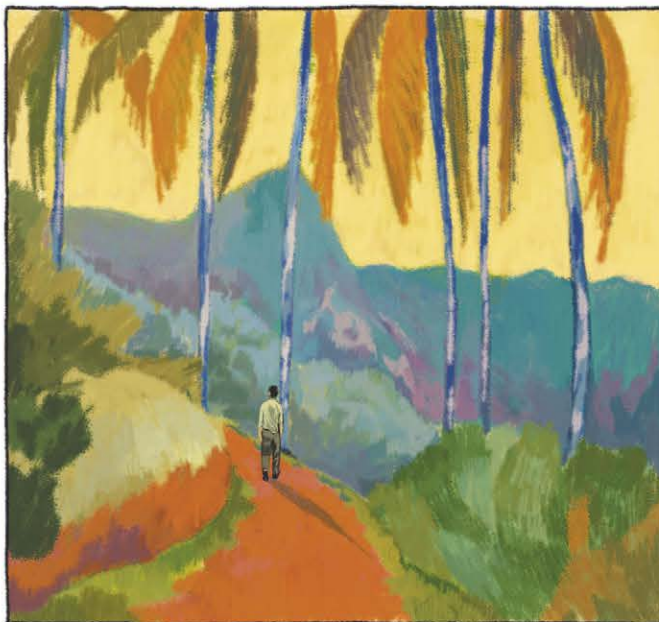
Ха-ха! Каким же простодушным ребенком надо быть, чтобы верить, что художники полезны!

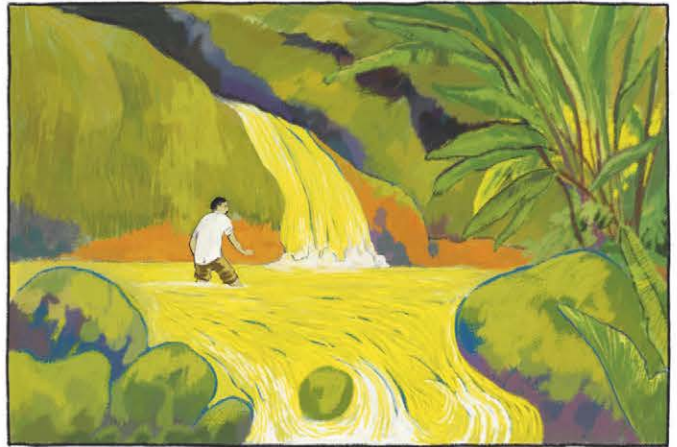
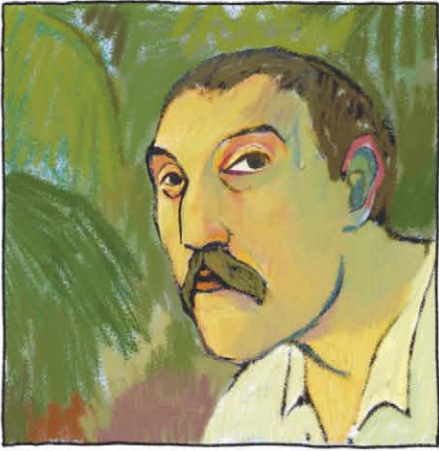

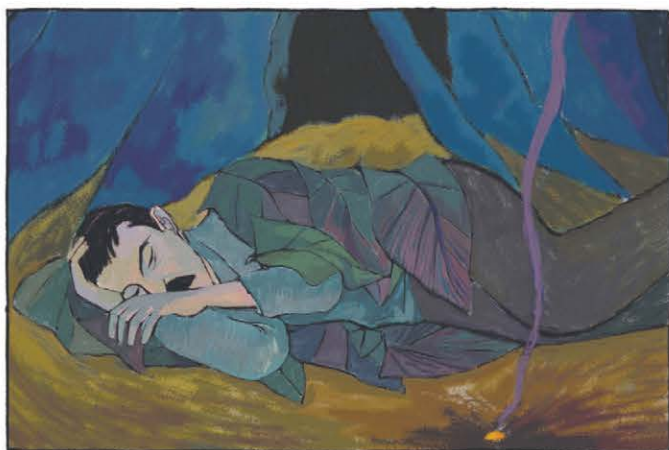
«Человек, который делает людей» – красивое определение художника.

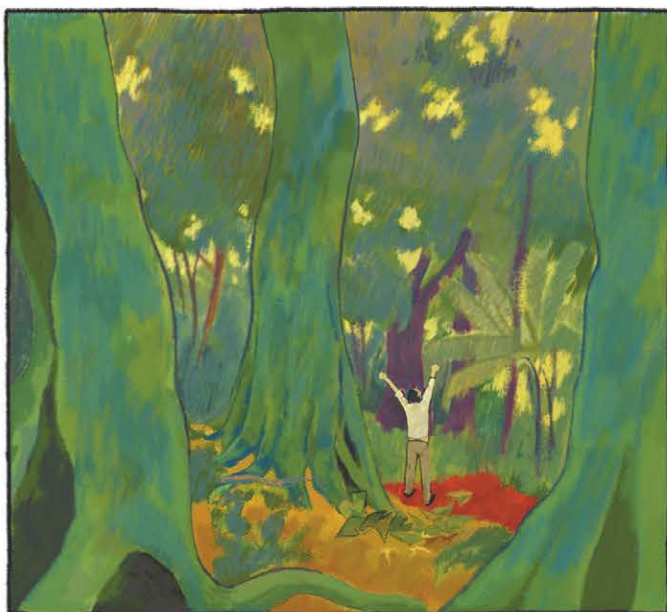

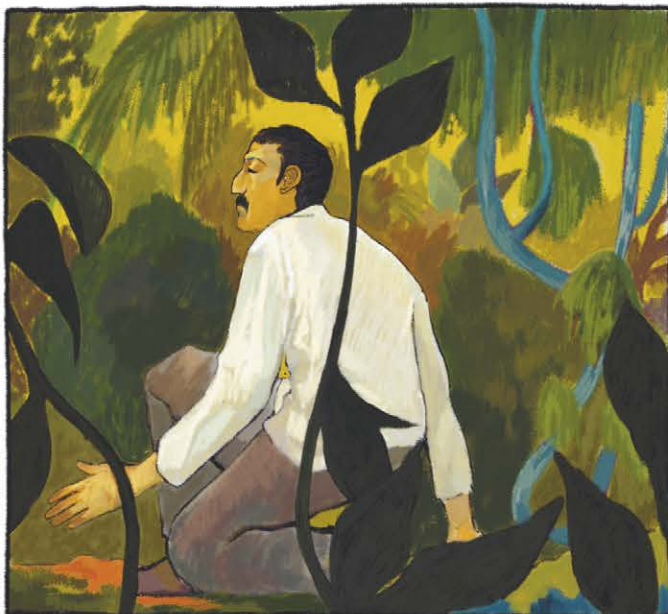

Наконец я вышел из этого огромного густого леса и добрался до Аораи – самой высокой точки острова, сердца Таити.

И остался наверху в ожидании ночи.
Лишь облака сопровождали меня,
скользя по изрезанным склонам гор.

Ро'о, великий бог-целитель, просим
тебя: расскажи нам об этом белом
человеке, что пришел на гору.

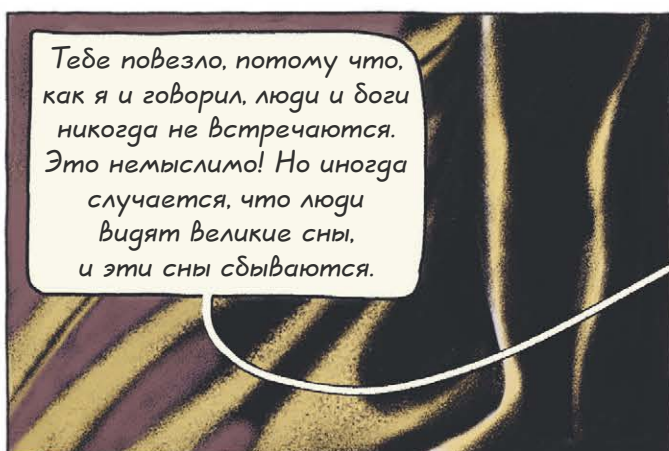
Прошлой ночью
ты овладел его сном.
Что ты видел?

Белых, как и остро-
витян, понять трудно.
Но я расскажу вам,
что видел.

Не совсем...

Год назад, прежде чем отправиться на Таити, я нарисовал картину. На ней изображена экзотическая Ева. Та женщина напоминает ее.

Возможно, это она привела тебя сюда, ты пошел за ней – и пришел к нам.

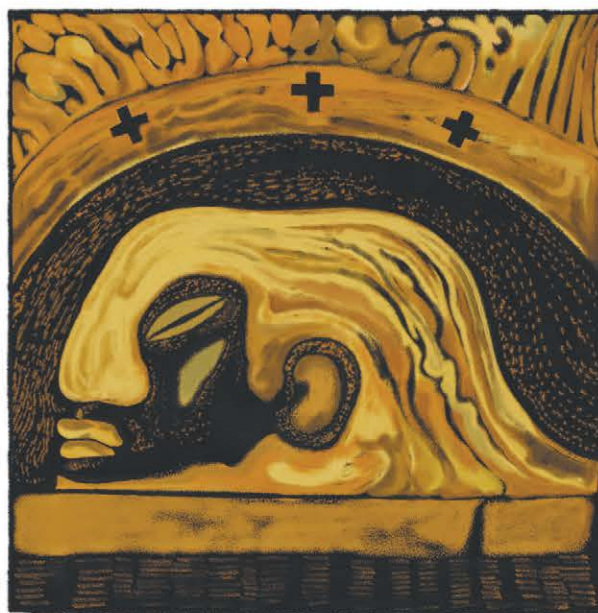
И что же, нашел ли ты свою экзотическую Еву?

Думаю, да...
Ее зовут Техура.

4

Te Amya

Bozu

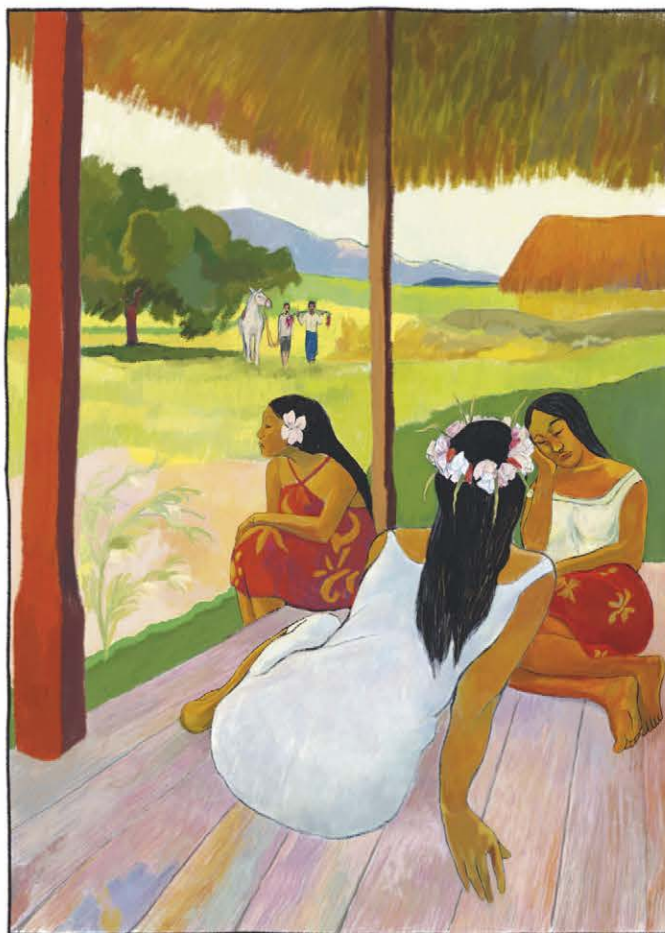

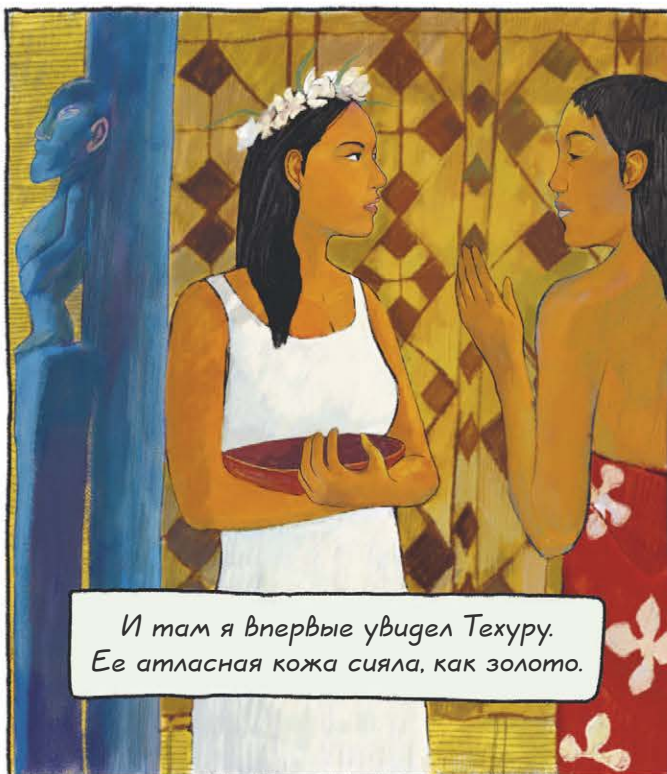
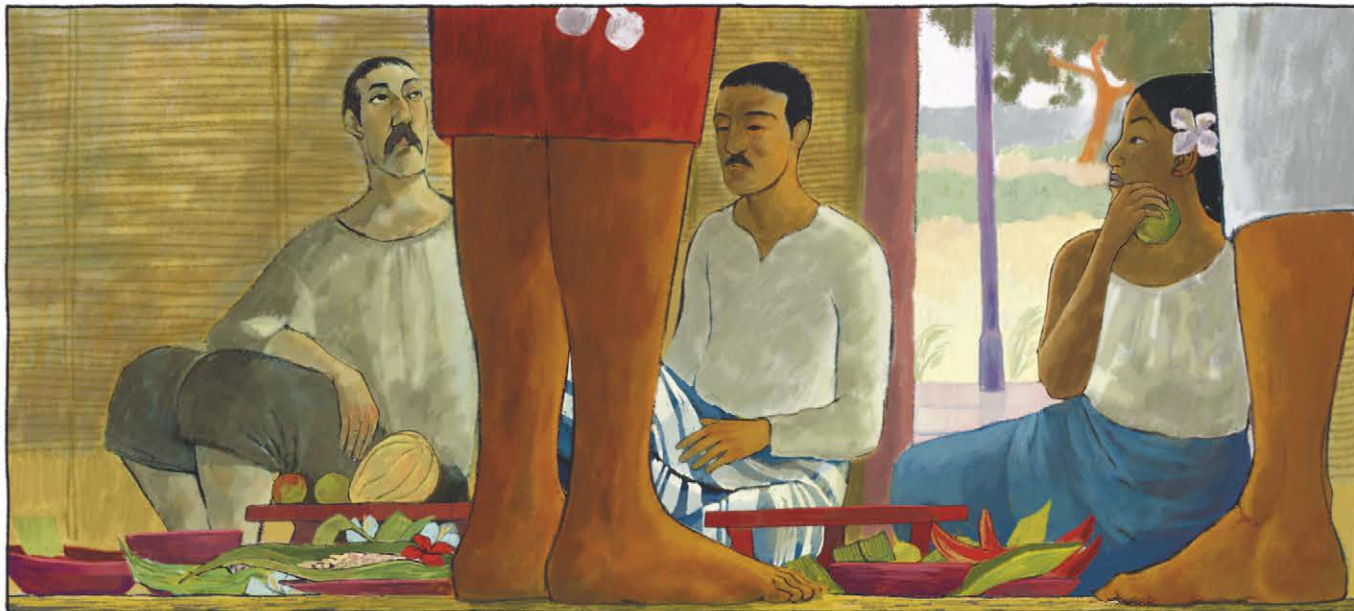
То, как Техура появилась в моей жизни, было весьма необычно.

Как будто я получил ее в дар.

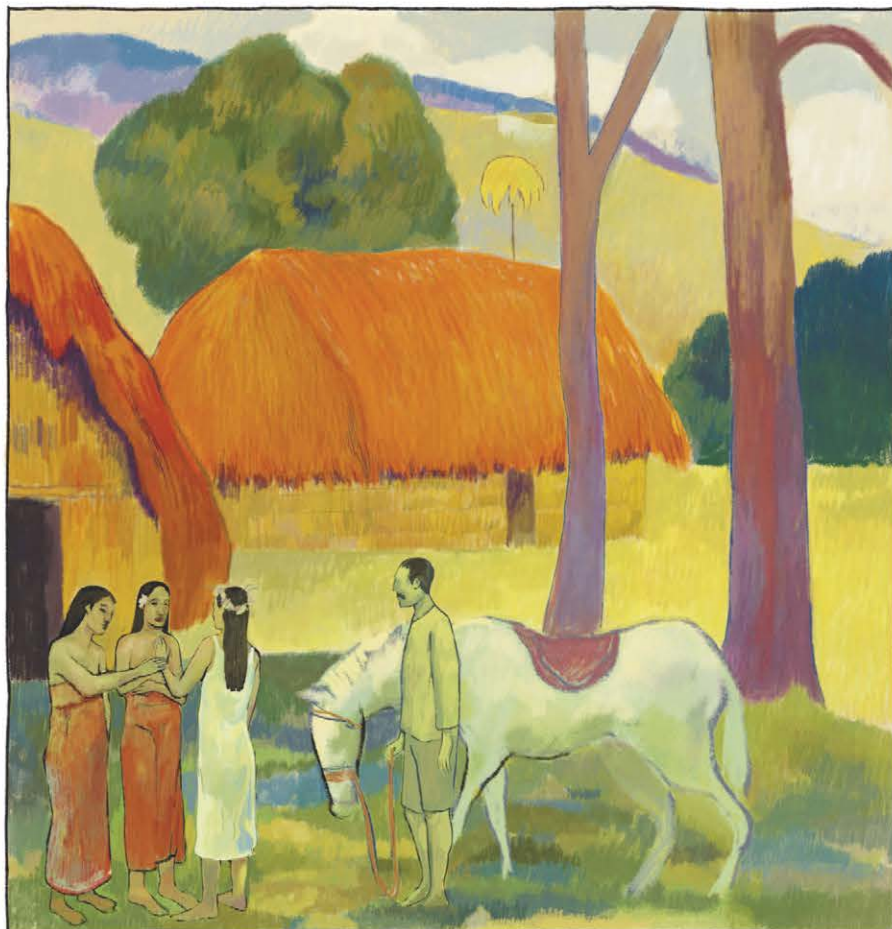
Подарок с предупреждением. Как в сказках.

Техура очаровывала
и одновременно
пугала меня.
Что происходило
в ее душе?
Это была тайна...

Мое сердце
бешено колотилось,
а ее билось спокойно.

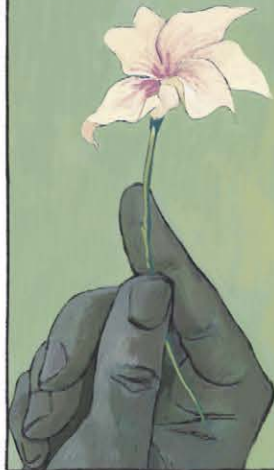

Я был на двадцать лет старше,
но из нас двоих именно я волновался как
ребенок. Техура оставалась безмятежна.

Ироничная складочка ее рта... но такая
красивая и чувственная... будто
предупреждала меня об опасности...

Но что мне
грозит?

Всю неделю, которую мы провели вместе, я вел себя как маленький мальчик.

Я любил Техуру и говорил ей об этом! В ответ она лишь застенчиво улыбалась...

Техура, наверное, немного любила меня, но никогда не говорила об этом.

Она была не слишком разговорчивой, меланхоличной, а иногда насмешливой.

Мы постоянно смотрели друг на друга, но она всегда оставалась для меня непроницаемой.

В этой битве я мгновенно оказывался повержен.

Для европейцев океанийская душа непостижима, и это приводит нас в замешательство.

В отличие от ветра, что обдувает острова, она непредсказуема.

Изучает нас со спокойной уверенностью, из глубины своего безразличия, с иронией и детской непосредственностью.

На восьмой день Техура попросила разрешения пойти в дом своей матери в Фаоне, как и было оговорено.

Я волновался и проводил ее до дилижанса.

И мысленно попрощался с ней.

Я никак не мог сосредоточиться и начать работать.

Чувство одиночества не покидало меня ни на минуту.

И тут как ни в чем не бывало Техура вернулась.

С этого дня началась наша счастливая жизнь. Мы были первыми мужчиной и женщиной в этом земном раю.

Я больше не считал дней и часов, не понимал, где добро и где зло. Мы жили в таитянском Эдеме, в незапамятные времена, до начала истории, до появления людей.

Техура открыла мне тайны острова, которые до сих пор были для меня непостижимы.

В ней таились две души: маленькой девочки и предков. Через нее я прикасался к далекому прошлому.

Миссионеры-протестанты считали, что навсегда изгнали с острова древних богов, но на самом деле они укрылись в глубине памяти таитянских женщин.

Техура рассказывала
мне о богах. А я пытался
объяснить ей некоторые
природные явления,
опираясь на свои знания.

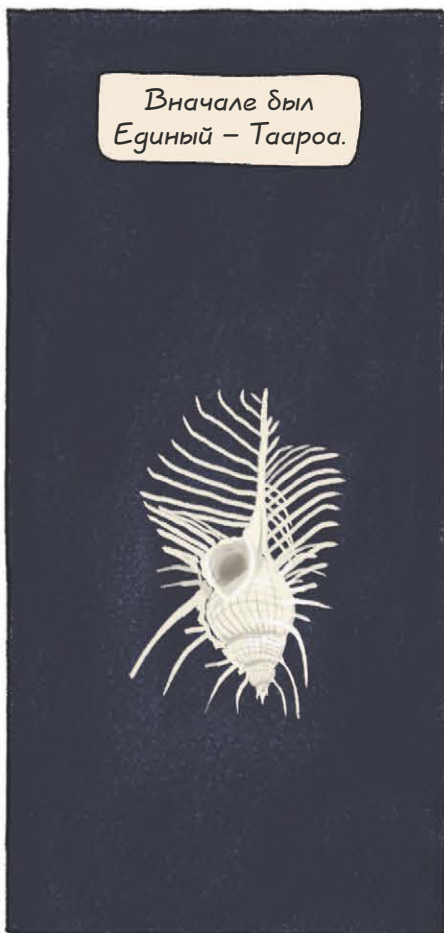
Она с трудом согласилась с тем, что Земля
вращается вокруг Солнца, но так никогда
и не поверила в мое объяснение падающих
звезд. Для нее это были несчастные
призраки, блуждающие по небу в поисках
нового пристанища.

Кто сотворил
Небо и Землю?

Вначале был
Единый – Таароа.

Таароа жил
в раковине. Вокруг
него была пустота.

Таароа звал, но никто
не откликался.

Он был один в мире.
И очень грустил.

Тогда Таароа сломал
свою раковину.

Он взял осколок раковины
и сотворил основу нашего
мира – камни и песок.

Позвочник Таароа
стал горным хребтом.

Своими слезами
он наполнил океаны и реки.

Затем взял свои ногти
и покрыл рыб чешуей.

Из его перьев выросли
деревья и кусты.

А кровь окрасила радугу
и закат солнца.

Таароа – это
Великое Всё.

Он создал армию мастеров.

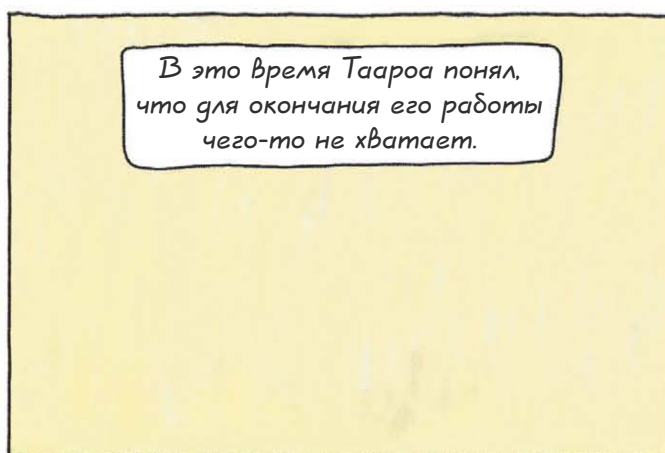
Мастера принялись за работу и топорами вырубили Тане, первое дождество, которое породило всех других богов.

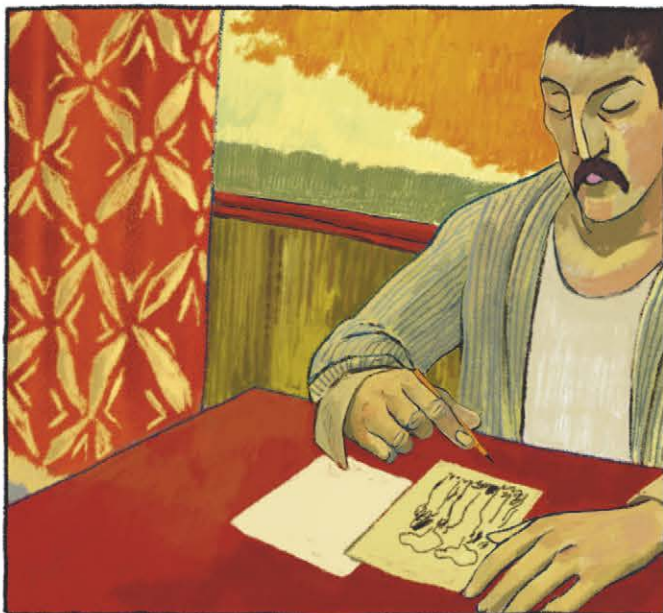

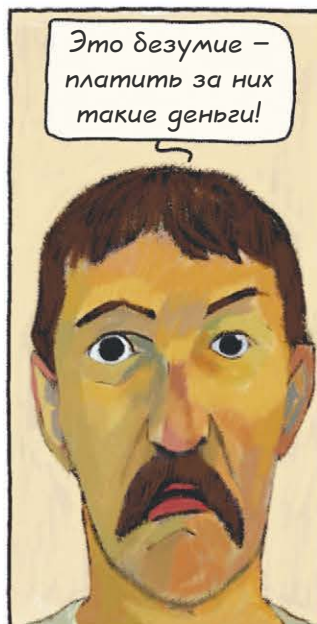
Тане украсил небо звездами и поместил на него солнце, чтобы освещать день, и луну, чтобы освещать ночь.

Тем временем Ру – бог переселения душ – построил гигантскую лодку и отправился путешествовать по только что созданному миру.

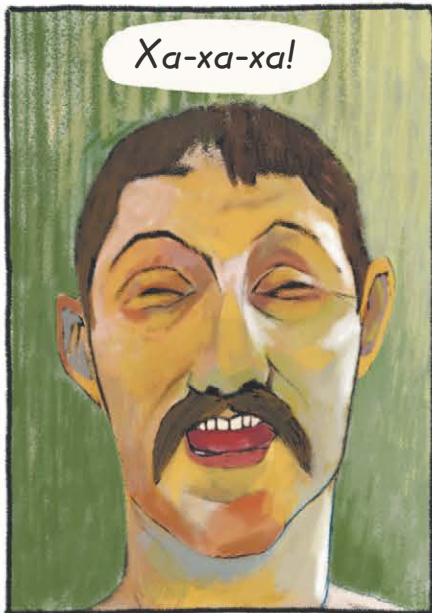

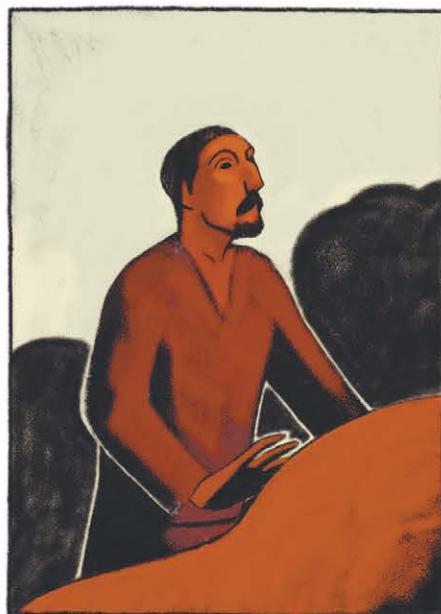

Тебе не стыдно будет
видеть, как они сияют
в ушах другой женщины,
а не в моих? Некотор-
ые мужчины готовы
продать своих лошадей,
чтобы подарить такие
своей Вахине*.

* Вахине – женщина. Одно из названий туземных женщин на Таити.

5

Махана но Варуа ино

День злых духов

Любил ли я Техуру?
Да, всем сердцем.

Однако в моем
случае сердце не так
уж много значит.

Внутри меня есть некий
императив, которому
я не могу не следовать.
Одержимость, которая
поглощает всё, что есть
во мне человеческого.

Я отдаю всю любовь,
которая есть во мне.
Отдаю полностью.

И всё же... Меня называли
чудовищным эгоистом.
Может быть, так оно и есть...

Но я не могу дать
другим то, чего нет
у меня самого!

И глубоко убежден, что в человеке
есть предел любви.

Любовь нужна мне для того, чтобы питать
тирана, живущего внутри. Нет ничего лучше,
чем делиться с другими тем, что остается!
Но остается так мало...

Я разглядываю небольшой музей, который привез с собой из Европы.

Фотографии, репродукции, рисунки – целый ворох. Я могу смотреть на них бесконечно...

Итальянское Кватроченто.

Золотой век Греции.

Драгоценная утонченность японского стиля.

Искусство Древнего мира.

Я всю жизнь искал разгадку, ключ к великому мифическому примитивному искусству.

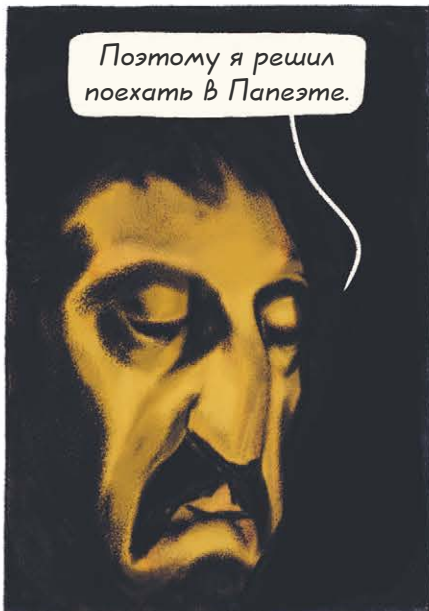
Пытался дать форму древним образам, используя язык современного человека.

Хотел вернуть в наше время то, что мы когда-то потеряли и чего нам не хватает.

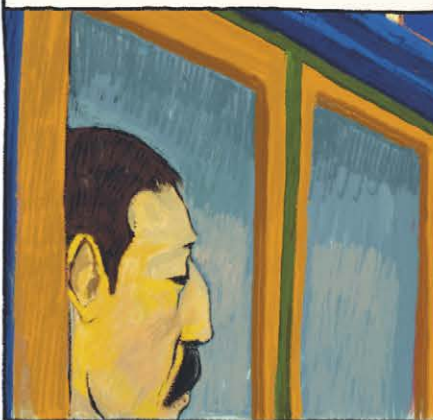

Поэтому я решил
поехать в Панезте.

Чтобы не волновать Техуру,
я просто сказал ей, что мне
нужно уладить кое-какие дела.
В Панезте я подал запрос
на репатриацию.

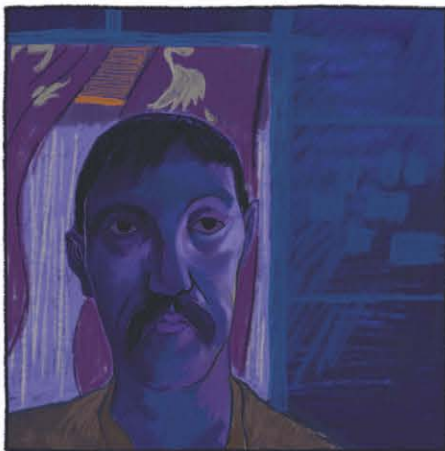
Но денег на поездку не хватало,
пришлось просить помощи.

На полпути
обратно автомо-
биль, на котором
я ехал, сломался.

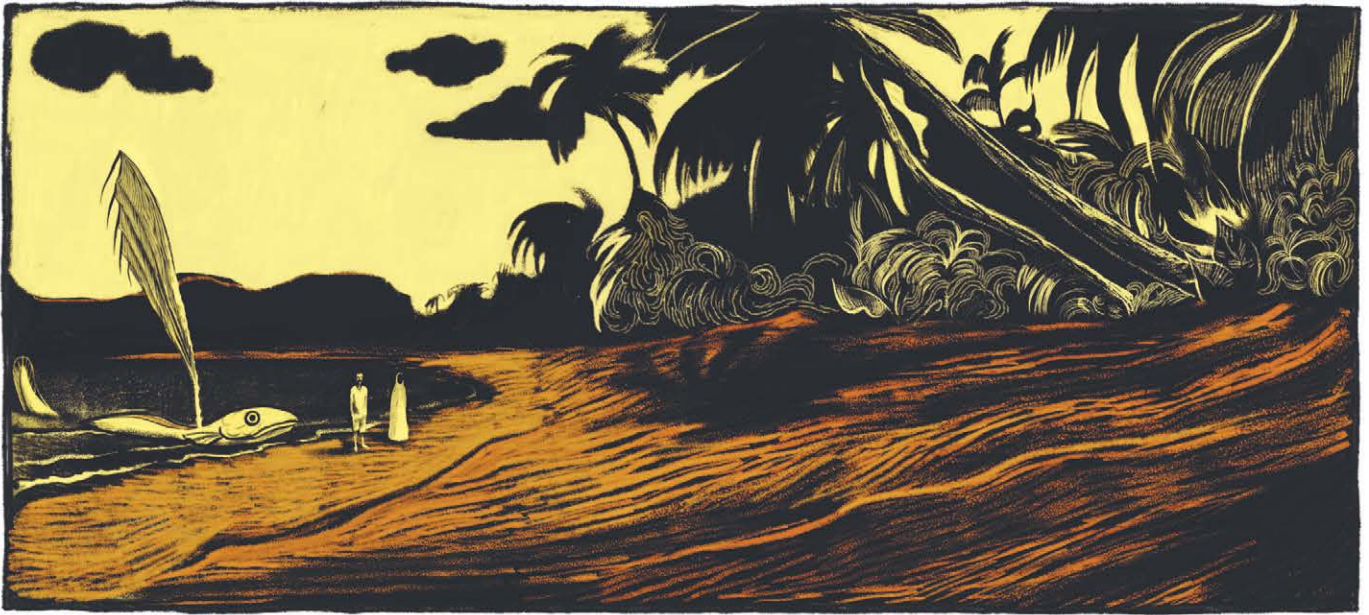
Именно в этот
момент я очень
четко увидел тебя.

Но тут же выдросил из головы твой образ,
полагая, что это Техура заразила меня
своими страхами и предрассудками.

Я обнял ее и, зная наверняка, что лгу, пообещал,
что больше никогда не оставлю одну.

Вижу Техуру, неподвижно лежащую ничком на кровати. Ее глаза кажутся огромными, они широко открыты, вытаращены от страха.

А ты скрыва-
ешься в тени.

Я написал картину.
На мой взгляд, одну
из лучших за это время.

У тебя проница-
тельный взгляд...

Меня не так-то
легко увидеть.

Мои глаза
никогда меня
не подводили.

А деньги – всегда. Мне
их постоянно не хватало.
Чертовы думажки!

Оставив Европу, я наивно полагал, что
смогу забыть о денежных проблемах,
которые многие годы отравляли мне жизнь.

На Таити
я потратил
больше, чем
планировал...

И осознал, что застрял
на этом острове.
Вскоре я понял, что
больше не могу даже
заниматься живописью:
мне не на что купить
самое необходимое —
холст и краски.

Я не был уверен, что Генеральный
совет по колониальным вопросам
согласится финансировать мое
возвращение во Францию.

Поэтому позвал
на помощь всех,
кого знал, чтобы
собрать хоть
немного денег.

Написал друзьям, коллегам,
всем хорошо и плохо
знакомым, даже жене!

Пытался вернуть
все долги. Во Франции
наверняка были деньги,
вырученные от продажи
моих картин!

С тех пор как я уехал, уж
точно что-нибудь продалось!

Но увы!
Я не смог
собрать
ни гроша!

Судя по всему,
тебе не терпелось
покинуть Таити.

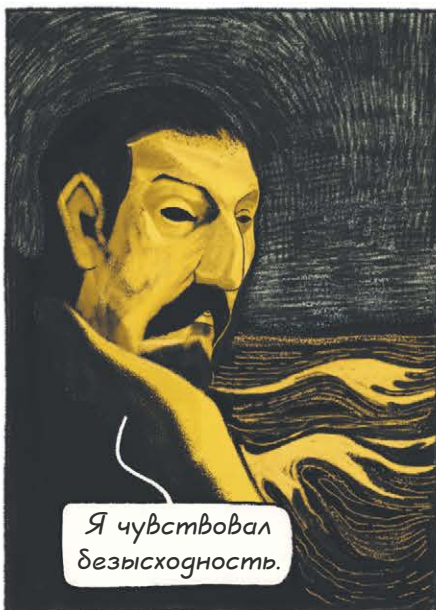
Да.

Нет.

Мне потребовалось столько времени,
чтобы познать душу этих мест...
И теперь, когда это наконец
удалось, приходилось уезжать!

Я чувствовал
безысходность.

Можно подумать, что
нехватка денег была единст-
венной причиной, побудившей
тебя бежать с Таити.

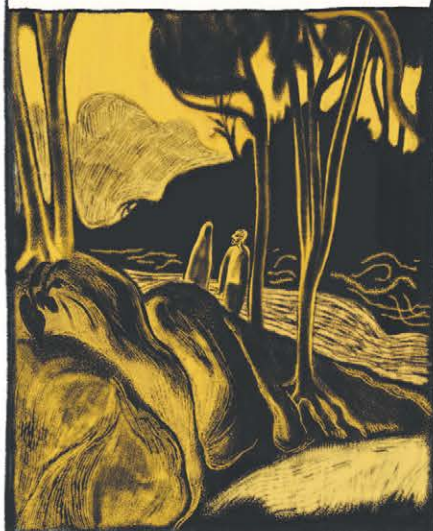
Имелись и другие при-
чины. Я хотел, чтобы люди
увидели мои работы!
Иначе какой в них смысл?!

И был прав, я всегда
прав. И хотел, чтобы
все это признали!

Никогда, понимаешь,
никогда я не мог надолго
уехать оттуда, «где всё
происходит»! И вот пришло
время туда вернуться...

Думаю, что для вас, духов
и богов, и так всё ясно.

У нас, людей, самые разные
души живут рядом, и порой
приходится бороться
с враждебными душами.

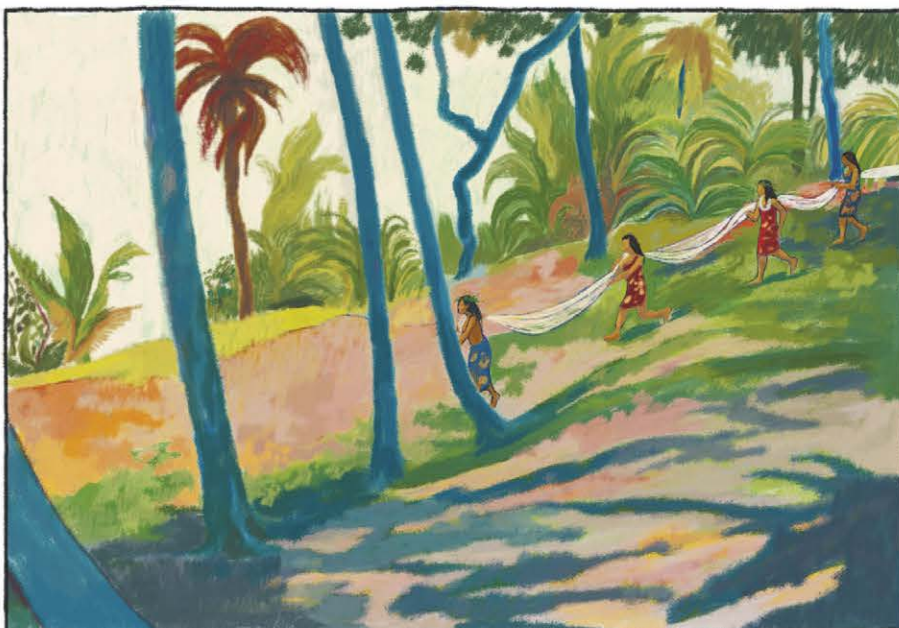
Мы живем во власти наших
противоречий, желаний
и потребностей, которые
изматывают, как буря
лодку посреди океана.

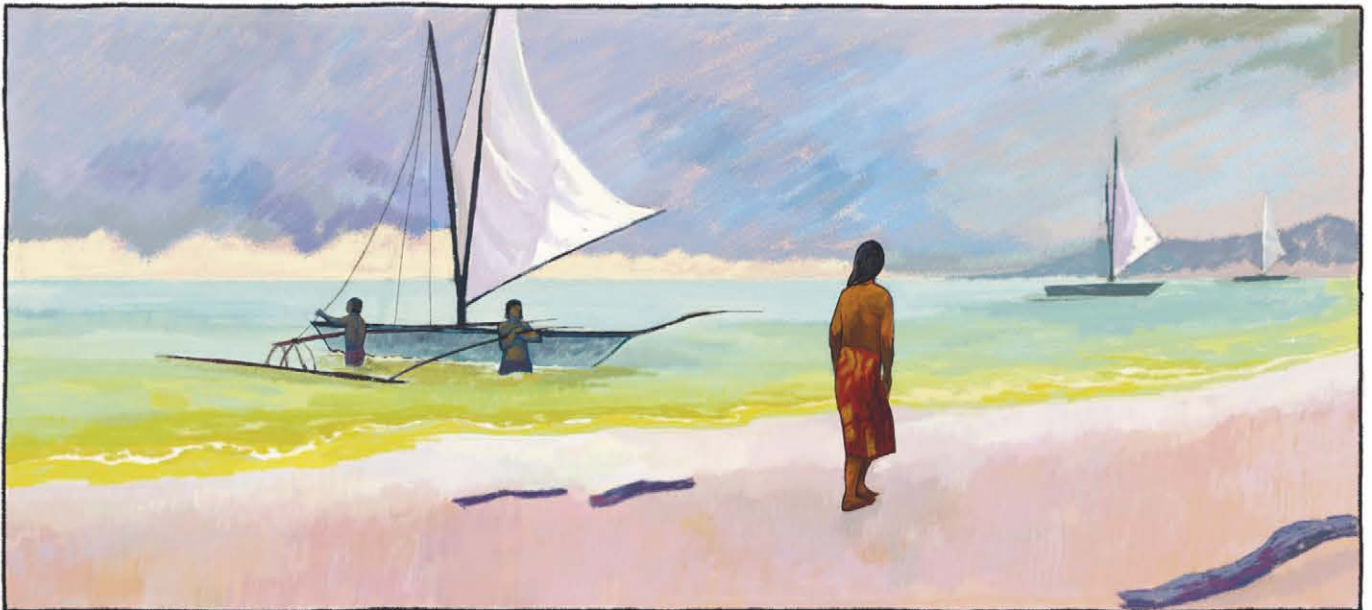
Больше всего в Париже я хотел получить то, что
заслужил. Мне следовало вернуться – находиться
там было моим долгом и моим правом.

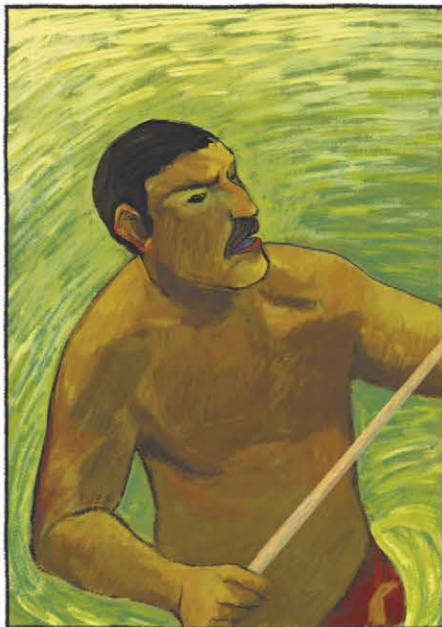
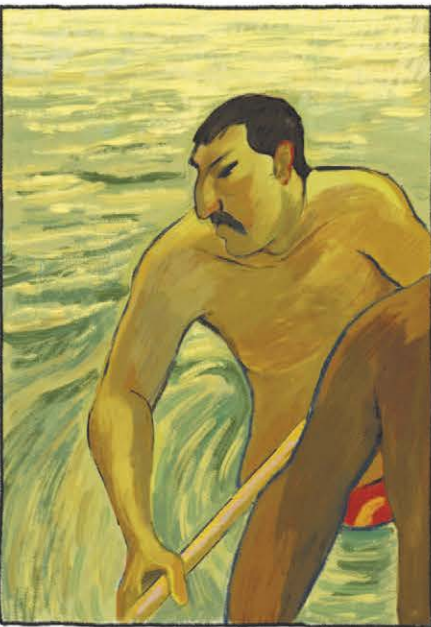
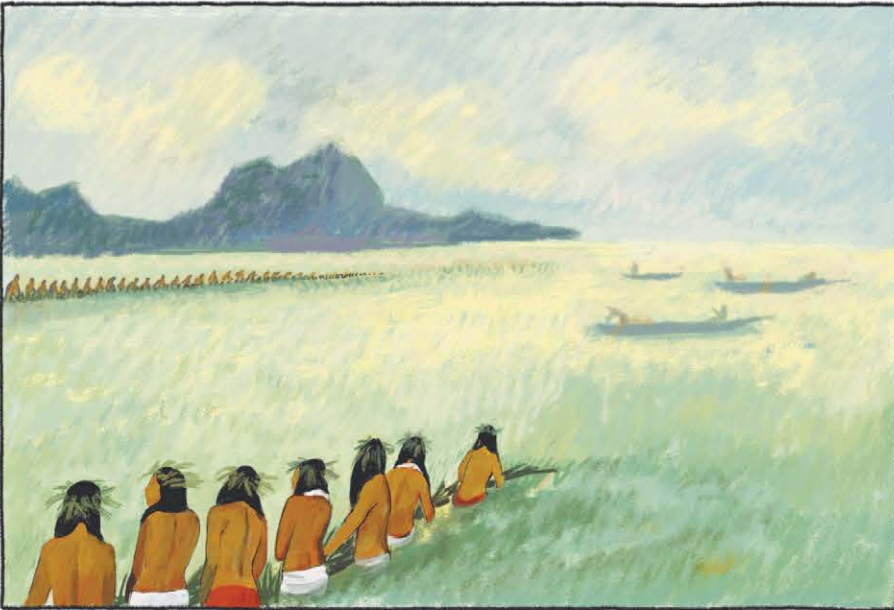
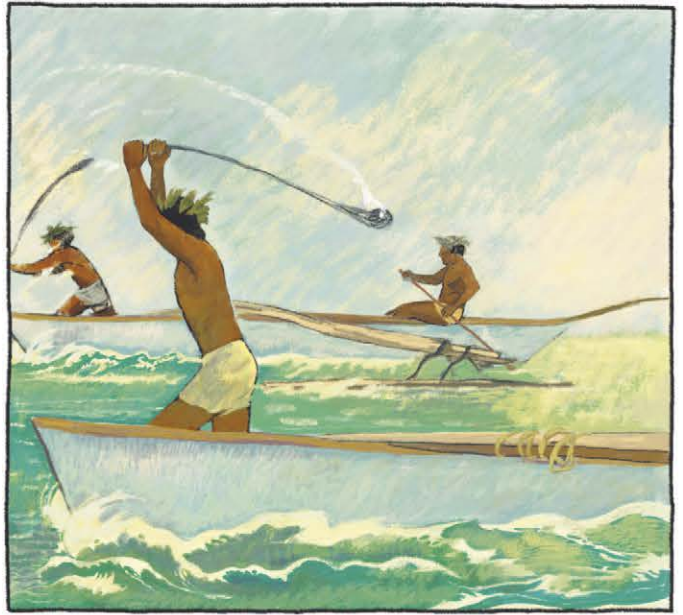

К тому же, не имея средств, я был вы-
нужден вернуться... И, как ни странно,
одновременно больше, чем когда-либо,
я хотел остаться на Таити.

Несколько месяцев в ожида-
нии новостей о репатриации
я продолжал жить, будто
ничего не происходило.

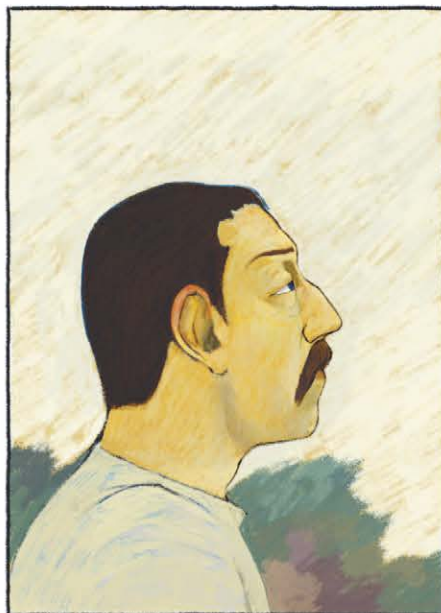

В декабре 1892 года новость свалилась на меня, как нож гильотины: губернатор отказал в финансировании моего возвращения...

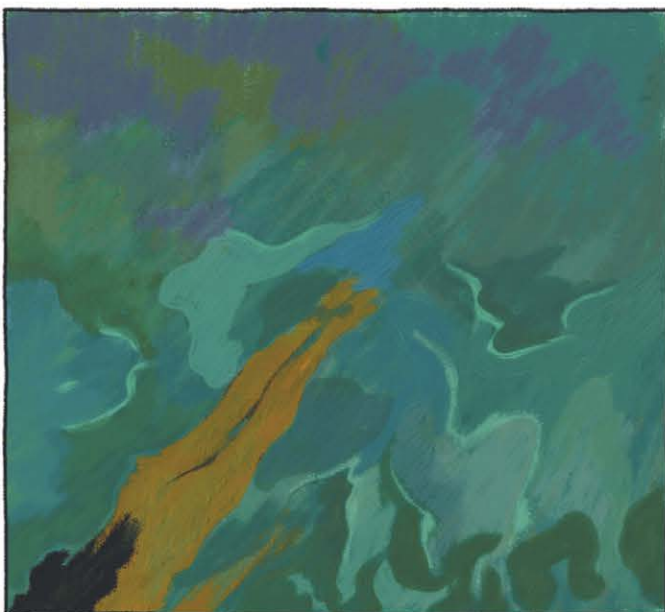
Теперь я рассчитывал только на вмешательство министерства, но оно отложило свое решение до апреля.

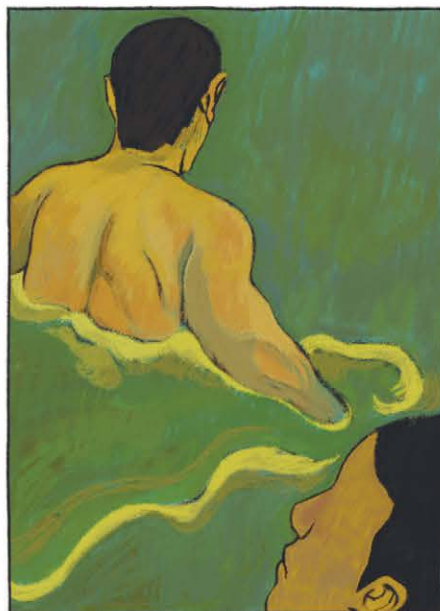

Я отправил восемь картин жене и молился богам, чтобы она смогла их продать и прислать мне денег.

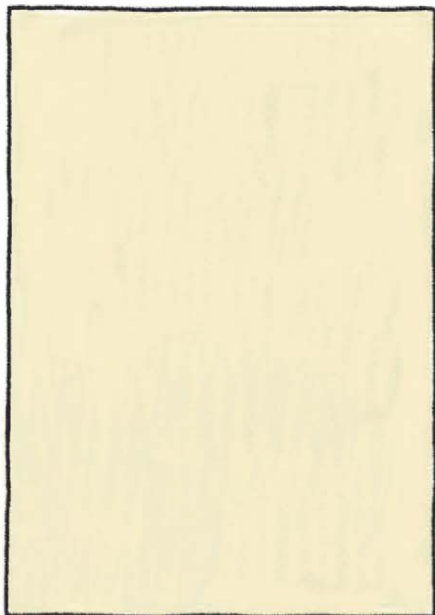

Оставалось только надеяться...

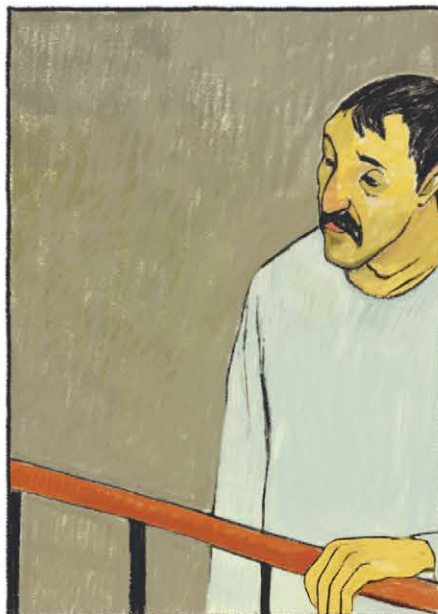

И вот я отправлялся
в путь. Корабль отчаливал,
и я в последний раз смотрел
на Техуру.

С тех пор как
она узнала, что
я уезжаю, плакала
все дни напролет.

Я покидал Таити спустя
два года после того,
как впервые ступил
на этот остров.

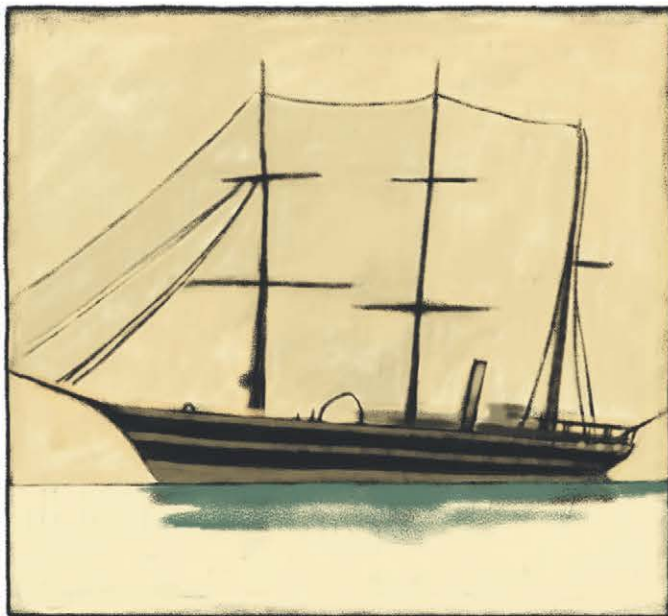
Обратный путь
был невероятно
мучительным.

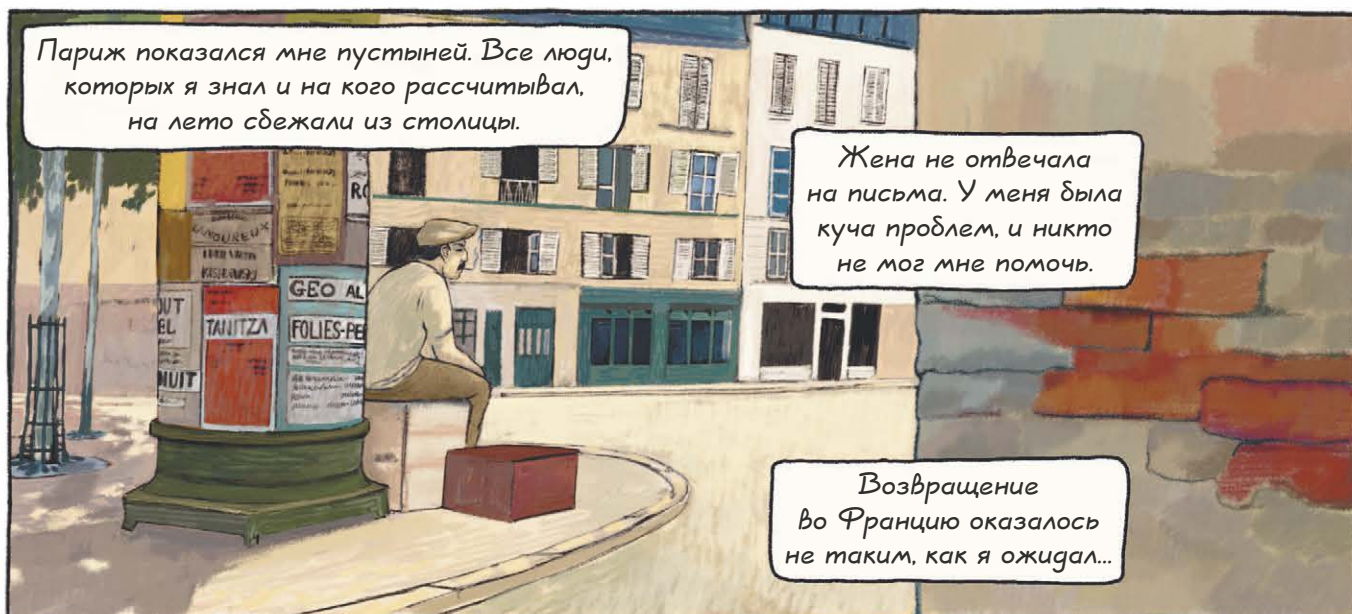
Когда мы проплы-
вали Красное море,
нам пришлось
сбросить за борт
тела трех пасса-
жиров, погибших
от жары.

Наконец в начале
августа я прибыл
в Марсель.

Прошел почти месяц, прежде чем я покинул
город. Найти способ недорого переправить
меня и мой скарб было непросто...

Париж показался мне пустыней. Все люди, которых я знал и на кого рассчитывал, на лето сбежали из столицы.

Жена не отвечала на письма. У меня была куча проблем, и никто не мог мне помочь.

Возвращение во Францию оказалось не таким, как я ожидал...

К счастью, с приходом осени дела пошли в гору.

Благодаря содействию Дега, единственного из импрессионистов, кто оценил и поддержал мое искусство, коллекционер Дюран-Рюэль согласился организовать большую выставку моих таитянских картин.

Галерея Дюран-Рюэля считалась одной из самых значимых в Париже, и это была прекрасная возможность.

Казалось, что фортуна наконец повернулась ко мне лицом.

Затем я неожиданно получил девять тысяч франков – наследство после смерти дальнего дядюшки.

Моя жена Метте незамедлительно написала мне, требуя часть этой суммы, как она выразилась, на детей.

Что за вздор! Эти деньги мои! Они должны пойти исключительно на поддержку моего творчества!

Метте этого не понимала. По ее мнению, я вел себя, как всегда, эгоистично. Но эти деньги были мне очень нужны, а в тот день, когда я стану победителем, поделюсь с женой и детьми.

Я чувствовал, что близок к успеху!

Снял студию на улице Версенжторикс и развлекался, украшая ее в стиле маори.

Я стал жить там вместе с Анной; в тот период у нас были романтические отношения.

И вот я оказался на три месяца прикованным к постели с открытым переломом лодыжки. К тому же меня снова одолевало безденежье.

Я бы с радостью оказался сейчас где-нибудь подальше от этой промозглой бретонской зимы...

Три ужасных месяца я провел одуревшим от морфия, который должен был принимать, чтобы заглушить страшную боль в ноге.

Я не мог спать. Чтобы заснуть хоть на несколько часов, после укола морфия я пил. Алкоголь был моим старым верным другом...

Мне больше не хотелось рисовать, денег по-прежнему не было...

Анна воспользовалась моей болезнью и вернулась в Париж. Она обчистила мою мастерскую и исчезла навсегда.

Она украла всё, оставив только картины.

Я организовал аукцион своих картин в отеле Друо. Небольшая выручка позволила мне оплатить дорогу в один конец.

Гравюры, которые украшали мою студию на улице Версенжеторикс и которые не забрала Анна, я раздарил друзьям.

В июле я прибыл на Таити. Шел 1895 год. К моему удивлению, улицы Папэте теперь освещало электричество.

Европейский «прогресс» опередил меня...

Я не пытался искать встреч с Техурой и поселился в районе Пуноауа на окраине Папэте.

Боль в ноге продолжала мучить меня.

Утомленный, обессиленный, я почти не рисовал.

Длинные бессонные ночи изнурили меня.

Мое здоровье ухудшалось, но тело всё ещё боролось за жизнь...

Я получил письмо от Метте, оно было последним. Жена сообщала, что наша дочь Алин умерла от пневмонии.

С тех пор с каждым днем всё становилось только хуже...

Если бог существует, то он несправедливый и злой.

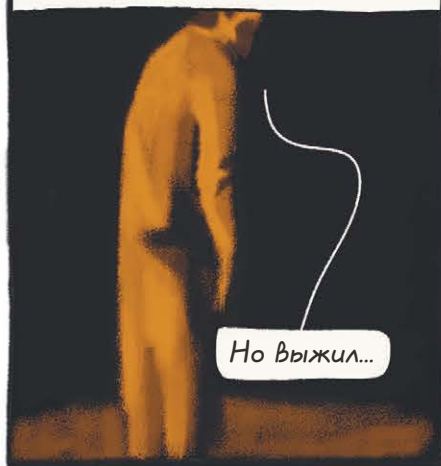

Наконец я принялся за работу над огромным холстом и писал отчаянно, будто в лихорадке.

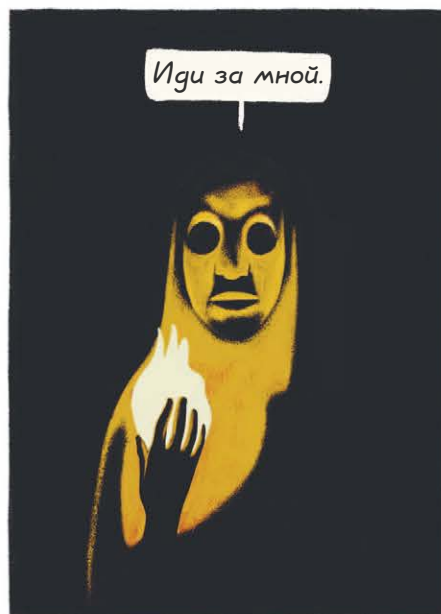
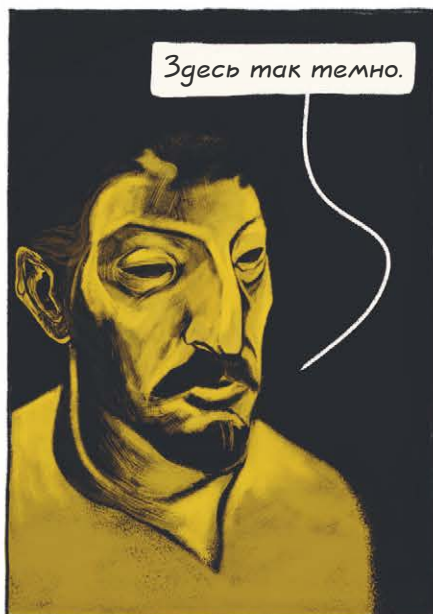

Я знал, что это произведение будет моим завещанием.

И вот, когда мой труд был наконец завершен, я решил покончить с собой, проглотив мышьяк.

Но выжил...

Мне было чуть больше пятидесяти, и я чувствовал себя изнуренным. С каждым днем зрение ухудшалось...

Краски на картине я видел словно сквозь туман. Воображение иссякло.

Я писал по субботам и воскресеньям. А в будни для заработка служил переписчиком в бюро земельного кадастра.

С тех пор как я вернулся, Таити не пробуждал во мне никаких желаний. Боги больше не разговаривали со мной. Они оставили меня.

Нужно уйти отсюда. Нужно искать другой мир. Иначе мы умрем.

Глупая надежда, что возвращение на Таити вернет меня к жизни...

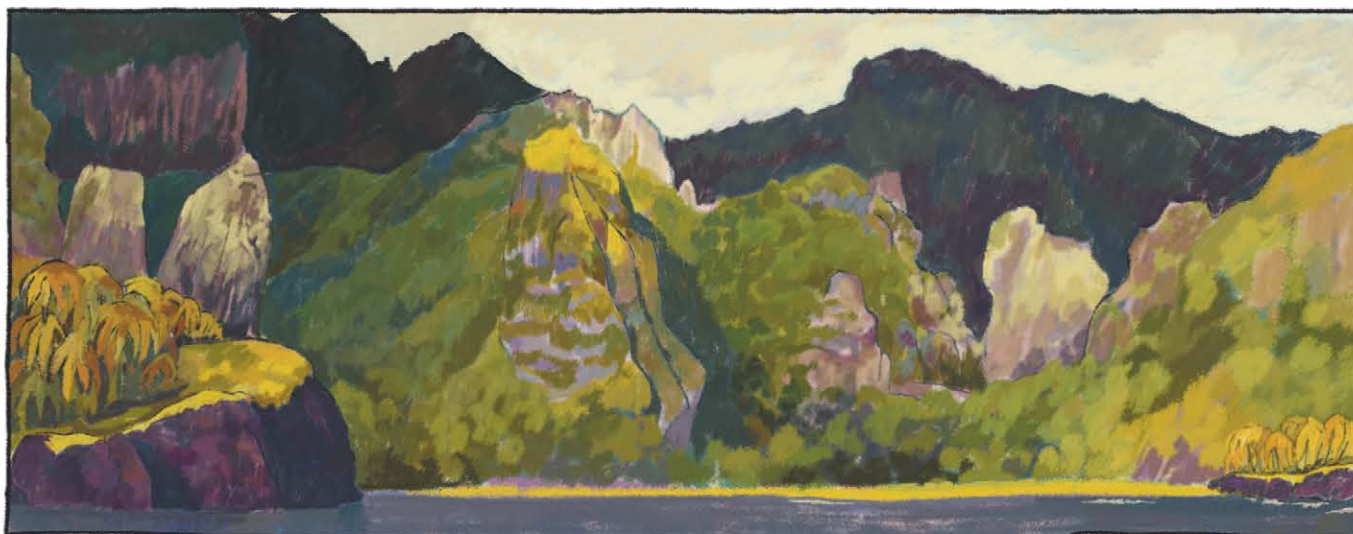

Я сделал последнее усилие и отправился на Маркизские острова.

Мысль о том, что я увижу новые берега, придавала сил.

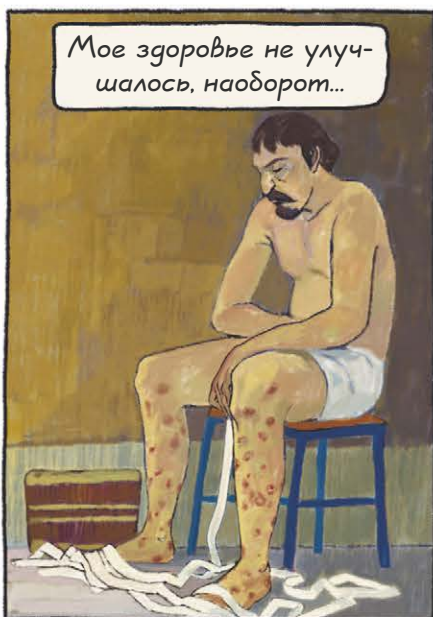

Всё дальше и дальше...

Я искал другой мир, нечто иное, то, к чему я стремился всю жизнь, но оно продолжало бежать от меня...

...Я остановился на острове Хива-Оа.

Мое здоровье не улучшалось, наоборот...

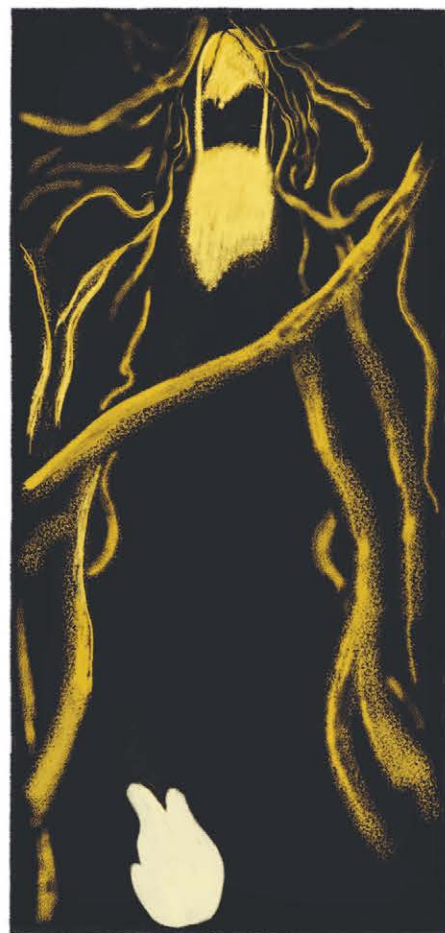
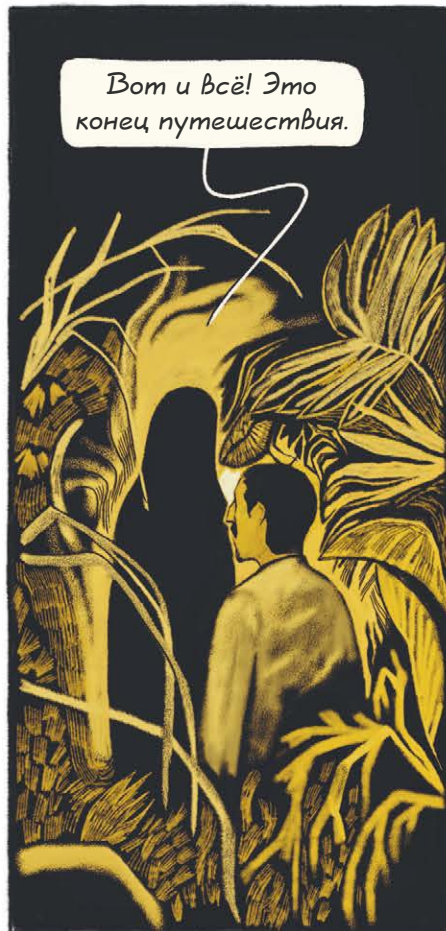

Ноги покрылись язвами.

Сосед Тиока помог мне построить дом.

Именно в этот дом в ту самую ночь ты пришел за мной.

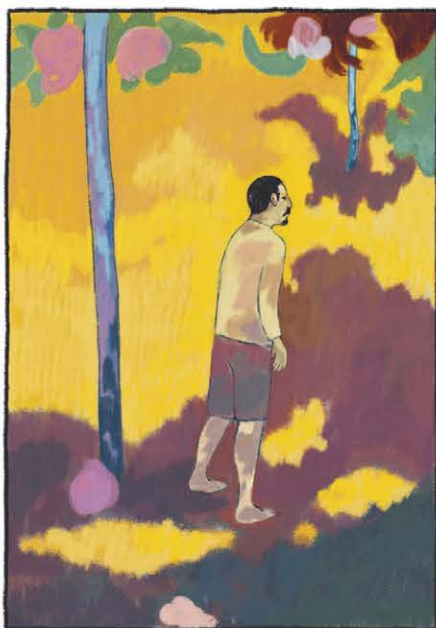
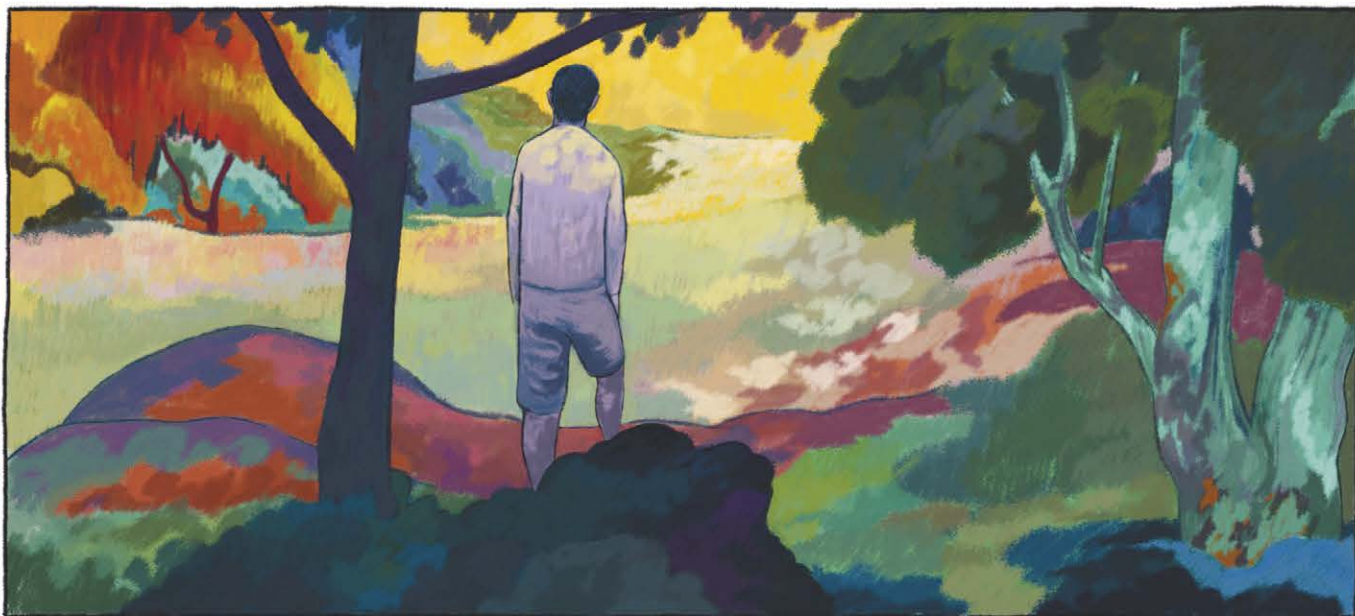
Я ничего не вижу.

Здесь так темно
и холодно...

Во время твоей первой поездки на Таити ты нашел то, что называют «другим миром». Тот самый мир, который отчаянно искал всю жизнь.

Боги острова были щедры. Они дали тебе всё. На Таити ты нашел мир и любовь. Здесь ты мог бы жить счастливо.

Но ты решил уехать – и потерял всё. Наказание должно было стать для тебя уроком.

Пришло твое время оставить земную оболочку. Но прежде мы, духи, дадим тебе последний шанс.

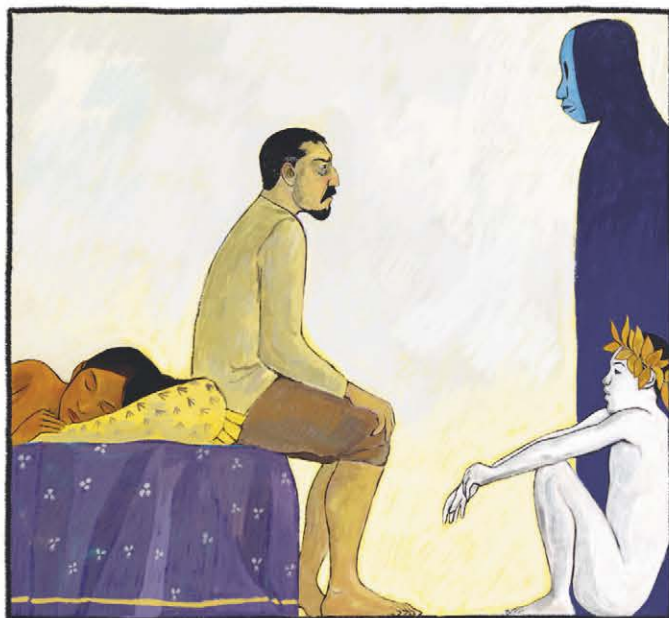

Шанс сделать иной выбор – не такой, как прежде, поступить не так, как ты поступал всю свою жизнь. Шанс покинуть эту землю без сожалений.

Сожалений...

Париж, зима 1907 года

«Эти причудливые контуры, искривленные, как у Гогена».

Так говорят иногда и о картинах Матисса.

Надо же! Они, наверное, хотели его обидеть, но лучшего комплимента и не придумаешь!

О! Это ваше восхищение Гогеном! С тех пор как в прошлом году состоялась его выставка, все просто сошли с ума!

Послушай, ты ведь сам собираешь эти странные черные африканские статуэтки.

Примитивное искусство должно стать ключом к новому и современному!

Задавший парадокс, не правда ли?

Ну, если это говоришь ты, Пабло...

Гоген был первым, кто это почувствовал!

Он ввел свободные формы и пропорции, освободился от натуралистичного видения.

Новое пространство! Это уже не мир вокруг нас, а мир в плоскости картины.

Я должен показать вам, над чем я сейчас работаю!

Это будет моим ответом на работы Матисса.

Он слишком застенчив, слишком привязан к традициям...

Нужно покончить с формальной красотой.

Нужно стать дикарем...

Поль Гоген играет
на фисгармонии в студии
Альфонса Мухи. Париж, 1893

Гоген — герой романа

Нет ничего удивительного в том, что писатели не удержались и сделали из Поля Гогена героя книг: жизнь художника и впрямь похожа на роман!

Гоген имел аристократическое и одновременно экзотическое происхождение; он рано потерял отца — журналиста и революционера, служил юнгой на корабле, совершил кругосветное плавание, стал успешным биржевым маклером и отцом большой буржуазной семьи, потом — проклятым художником, восхищавшим молодых поэтов и повлиявшим на молодое поколение живописцев; наконец, он отправился в добровольную ссылку в тропи-

ки и умер там одиноким отшельником. Пятьдесят пять лет жизни Поля Гогена, с 1848 по 1903 год, не перестают поражать нас разнообразием событий, которые они вместили.

Чтобы начать творить легенду о Гогене, нужно вспомнить его бабушку Флору Тристан. Эта красавица франко-перуанского происхождения, утверждавшая, что она родом из императорской семьи, была вдохновительницей романтических социалистов

и одной из первых феминисток в мире. Гоген, который провел детство в Перу, не застал своей выдающейся бабушки в живых. Однако через сто лет после смерти художника писатель Марио Варгас Льюса сделал так, что судьбы этих двух бунтарей-идеалистов пересеклись в романе «Рай на другом углу» (исп. «El paraíso en la otra esquina»).

Решив бежать от ненавистной учебы и пасмурного парижского неба, семнадцатилетний Поль

Гоген стал моряком: он плавает по Средиземному и Черному морям, снова посещает Южную Америку, открывает для себя Крайний Север и Индию, а спустя шесть лет возвращается в Париж и устраивается там. В жизни Гогена начинается период, который, как теперь кажется, был нужен хотя бы ради того, чтобы контрастировать с его невообразимой биографией до и после. В 1872 году Гоген успешно начал карьеру биржевого маклера, женился на молодой датчанке, которая родила ему пятерых детей, и стал жить жизнью просвещенного молодого буржуа. Он собирает коллекцию импрессионистов и сам занимается живописью — как любитель, в свободное от работы время. Но спустя десять лет полностью и навсегда порывает с комфортной жизнью: бросает работу, теряет жену, которая бежит с детьми в Данию, и решает целиком посвятить себя творчеству. Позже Сомерсет Моэм напишет роман-драму «Луна и грош», в котором изобразит героя, очень похожего на Гогена и чья пламенная страсть к живописи так же разрушает всё на своем пути...

«Я вбил себе в голову, что должен стать именно художником», — пишет Гоген Камиллю Писсарро в 1882 году. С этого момента он воспринимает себя как мученика, вынужденного следовать своему призванию.

**«Я вбил себе
в голову, что
должен стать
именно худож-
ником».**

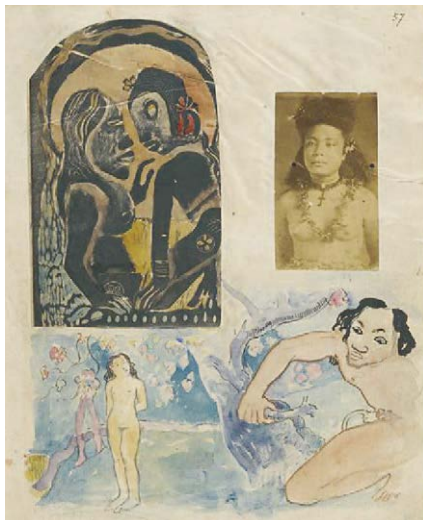
Он несколько раз изображал себя в виде христоподобного мессии, а в переписке с женой и друзьями не переставал жаловаться на страдания и одиночество, на которые обрекла его живопись. Впрочем, Гоген оставил после себя и другой образ, привлекательный для одних и пугающий для других. «У него было необычное выражение лица, экстравагантная манера одеваться и довольно суровый вид, мой отец улавливал по его чертам признаки мании величия и просил меня держаться от него подальше», — писал сын известного психиатра доктора Бланша.

Поддерживая свой образ проклятого художника, в автопортрете, посвященном Винсенту Ван Гогу, Гоген отождествил себя с Жаном Вальжаном, героем с трудной судьбой из романа Виктора Гюго «Отверженные». Недолгая дружба двух художников закончится знаменитым трагическим эпизодом с отрезанным ухом. Этот страстный жест Ван Гогу будет стоить заточения в Арле, и Гоген больше никогда в жизни не увидит товарища. Зато писателям и кинематографистам этот эпизод даст тему для творчества...

В 1891 году, после того как художник объявил, что уезжает на Таити, писатель Октав Мирбо опишет его как «человека, сбежавшего от цивилизации»: «Он намеревался поселиться

Поль Гоген.
Таитянская женщина и пары на природе.
Лист из альбома «Ноа Ноа». 1894–1901.
31,4 × 24 см

Страница рукописи с иллюстрациями к «Ноа Ноа»

там один, на несколько лет, построить хижину и работать над сюжетами, которые его волновали». По возвращении в Париж зимой 1893 года Гоген примеряет на себя образ полуденди-полудикаря. «Он появлялся в парижском обществе роскошным мадьяром, очень большого роста, этаким Рембрандтом 1635 года, особенно когда он медленно и тяжело вышагивал, опираясь рукой в белой перчатке и серебряных украшениях на трость, им самим разукрашенную», —

вспоминал его биограф Арман Сегин. Его образ имеет успех, и Гоген устраивает настоящие шоу, стремясь продвигать свое творчество. В своей мастерской на улице Версенжеторикс, на Монпарнасе, он красит стены в ярко-желтый цвет, расписывает окна таитянскими пейзажами, наполняет пространство всевозможными экзотическими безделушками и принимает друзей в компании любовницы-яванки, попугая и маленькой обезьянки.

В 1895 году Гоген снова решает покинуть Францию. Он озлобленно и надменно объявляет, что больше не вернется. Это окажется правдой. Конец его жизни подтвердит клишированный образ проклятого художника, который Гоген так часто использовал: больной, вспыльчивый, склонный к суициду и пристрастившийся к алкоголю, он умрет в одиночестве. Когда известие об этом дойдет до Франции, журналисты припомнят из его жизни лишь скандальные эпизоды: алкоголь, морфий, дра-

ки и вахине — всё то, что потом долгое время будет мешать объективному восприятию его творчества. Зато воспоминания о Гогене молодых художников окажутся наполнены безграничным восхищением: «[Он был] бесспорным мастером, странности которого мы коллекционировали и копировали, талантом, поступками, физической силой, язвительностью, неисчерпаемым воображением, упорством в сопротивлении алкоголю, романтическими мечтами об иных мирах которого мы восхищались», — писал художник Морис Дени в 1903 году.

Через несколько месяцев после смерти художника поэт Виктор Сегален посетит последнее его пристанище на Маркизских островах — величественное строение из резного дерева, названное «Домом радости», — и напишет хвалебную статью, а потом и рассказ, положив тем самым начало необыкновенной литературной судьбе Гогена.

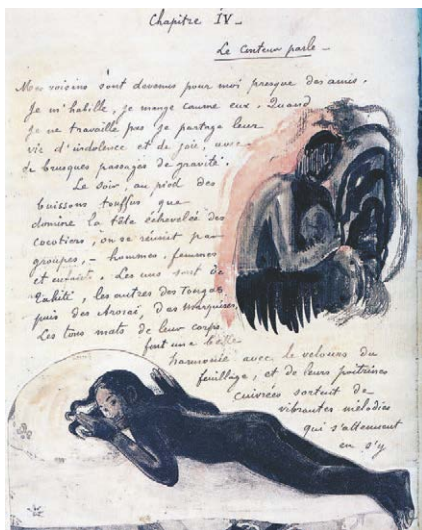
Гоген — писатель

Если Поль Гоген и похож на литературного героя, то справедливости ради нужно заметить, что он и сам не удержался от того, чтобы внести вклад в создание мифа о себе!

На протяжении всей жизни в качестве художника Гоген раскрывал себя в обширной переписке, обращаясь к жене и друзьям: художникам, поэтам и кри-

тикам. Эти письма, помимо своего прямого назначения, позволяли Гогену выражать свои взгляды на искусство и роль художника в нем. Удивленный его талантом красноречия,

Эдгар Дега назвал Гогена «профессором». Написание писем для художника, кроме всего прочего, было способом запечатлеть эволюцию своей художественной практики: «В этом

Поль Гоген вел записную книжку для своей дочери Алин, в которой он не только размышляет об искусстве, любви и жизни, но и объясняет рождение картины: «Название "Манао Тупапу" имеет два значения: либо "Она думает о призраке", либо "Призрак думает о ней". Подытожим. Сторона музыкальная: горизонтальные волнистые линии, сочетания оранжевого с синим, соединенные с их производными — желтыми и фиолетовыми оттенками — и освещенные зеленоватыми искрами. Сторона литературная: душа живой женщины, тяготеющая к духу мертвых. Ночь и день».

году я пожертвовал всем: и исполнением, и цветом — ради стиля, хотелось заставить себя делать нечто иное, чем то, что я уже умею. Я думаю, что эта трансформация еще не дала результатов, но, безусловно, даст», — писал он другу Эмилю Шуффенекеру в 1888 году. Письма демонстрируют, что писать для Гогена было настоящим удовольствием. Более того, он был убежден, что имеет литературные способности, и вполне допускал, что его могут публиковать. Он чувствовал необходимость изложить собственную версию своей карьеры: «Если я скажу вам, что по женской линии я происхожу от Борхаи-Арагона, вице-короля Перу, вы скажете, что это неправда и я слишком много о себе возомнил...» В своих автобиографических заметках художник иногда преувеличивает, но мало лжет!

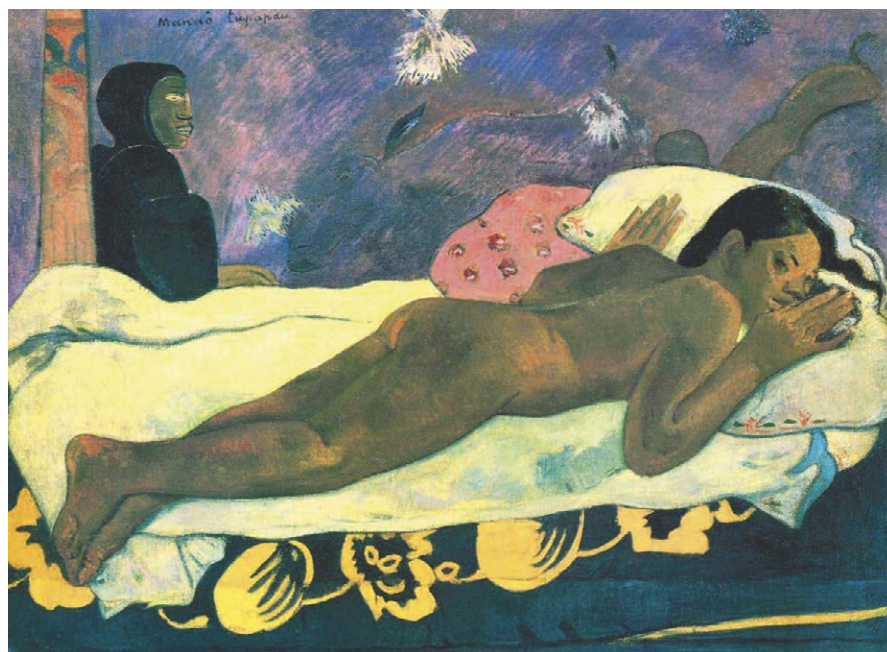
Однако литературный труд Гогена, помимо стремления изложить автобиографию, прежде всего демонстрирует непреодолимую жажду исследований. Когда он начал узнавать жизнь Таити, то был разочарован тем, что от древней культуры маори не осталось и следа. В поисках сведений об истории и этнографии Океании он наткнулся на работу бывшего дипломатического работника. Гоген переписал оттуда большие отрывки в отдельную тетрадь, снабдив их множеством иллюстраций, и в дальнейшем эта тетрадка послужила основой для его работы: благодаря ей океанические божеества и легенды ожили в его живописи и скульптуре. В 1893 году Гоген пытался опубликовать записи под названием «Древний культ маори», чтобы рассказать европейцам об этой

обойденной вниманием культуре. Одновременно он взялся за написание другого текста, в котором смешал заметки об утраченной цивилизации с собственными воспоминаниями. Эта книга предназначалась для того, чтобы «объяснить» свою живопись и дать комментарий к выставке. Вернувшись в Париж, Гоген просит поэта Шарля Мориса поучаствовать в его проекте: он хочет совместить тексты «цивилизованного» автора (Мориса) и тексты «дикаря» (самого себя). Он изложил свои знания о культуре маори от имени

своей вахине Техуры — имя, которое он дает Техамане. В реальности молодая девушка вряд ли могла обладать такими знаниями. Гоген стремился продемонстрировать

целостный характер своего «дикарского» опыта. С этим связано и то, что он дает своим карти-

«В этом году я пожертвовал всем: и исполнением, и цветом...»

Манао Тупапу (Дух мертвых не дремлет). 1892. Холст, масло. 73 × 92 см. Художественная галерея Олбрайт-Нокс, Буффало, США

нам названия на языке маори, желая подчеркнуть экзотичность работ для парижской публики. Прекрасное произведение «Ноа Ноа» Гоген несколько раз переписывал. Разные варианты текста Гогена в соавторстве с Морисом издавались в 1897 и 1901 годах. Но полный труд, сопровождавшийся акварельными рисунками, фотографиями и гравюрами, увидел свет только спустя много лет после смерти автора — в 1924 году.

Удовольствие от писательства у Гогена соединялось со страстью к полемике. На Таити он сотрудничает с сатирическими журналами, в которых яростно, хотя и с юмором, нападает на колониальных управленцев и миссионеров. Некоторое время он увлекается изданием газеты, в которой сам пишет все статьи и делает все иллюстрации. В конце жизни, ослабев от болезни, Гоген большую часть времени отдаст письму. Он создает но-

вую автобиографическую книгу «Прежде и потом», в которой осуждает несправедливое отношение к себе со стороны семьи и общества. А в книге «Рассказы мазилы» он отдает дань уважения художникам, которыми восхищается, от Рафаэля до Дега, а о себе говорит либо уничижительно, как о вечном их ученике, либо с горечью — как о человеке, который лишь выглядит как художник, но таковым не является...

Гоген — современный и дикий

Импрессионист, синтетист или символист? Объявив себя «дикарем», Поль Гоген утвердил свой собственный, ярко современный стиль.

Поль Гоген начал заниматься живописью в то время, когда искусство вступило в эпоху модернизма. В 1879 году молодому любителю-самоучке предлагают выставиться вместе с импрессионистами. Под влиянием Писсарро он осваивает их манеру — главенство света и ощущения. У Дега он перенимает смелость композиции, у Сезанна — систему цветового построения.

Начиная с 1886 года Гоген стремится пойти дальше, вырваться за рамки этого направления; тогда же он совершает первый побег к «другим» берегам в поисках «дикости». В Понт-Авене его приняли как импрессиониста; «Да, импрессионист, в смысле — революционер», — высказался он, снимая с себя ярлык. Но уже в 1889 году ему присвоили но-

вый: «синтетист». Эта манера живописи была разработана молодыми художниками во время работы в Бретани и заключалась в том, что художник синтезировал свои впечатления от реальности. Результатом стали упрощение рисунка, использование чистых цветов и ритмических композиций в декоративном духе. И именно здесь можно заметить движение к модернизму, где картина становится самоцелью. Это прекрасно сформулировал Морис Дени: «Помните, что картина, прежде чем стать боевой лошадью, обнаженной женщиной или еще какой-нибудь ерундой, является, по существу, плоской поверхностью с наложенными на нее определенным образом красками».

В работах Гогена почти всегда соединяются традиционные темы,

часто религиозные, и воображаемые сцены. В 1890 году из-за этого его стали определять как символиста, хотя для символиста он слишком много времени уделял наблюдению за природой.

Однако именно поиски «дикости» позволили Гогену занять особое место в истории искусства. Романтическое увлечение экзотикой характеризует его как человека XIX века. Но когда художник начинает искать вдохновение в своем необразованном, диком «я» и обращается к так называемым фантазийным источникам творчества — детским, архаичным, религиозным, народным или примитивным, — он демонстрирует самые современные тенденции искусства XX века.

Селин Делаво ■

Приключения и фэнтези

Графические романы

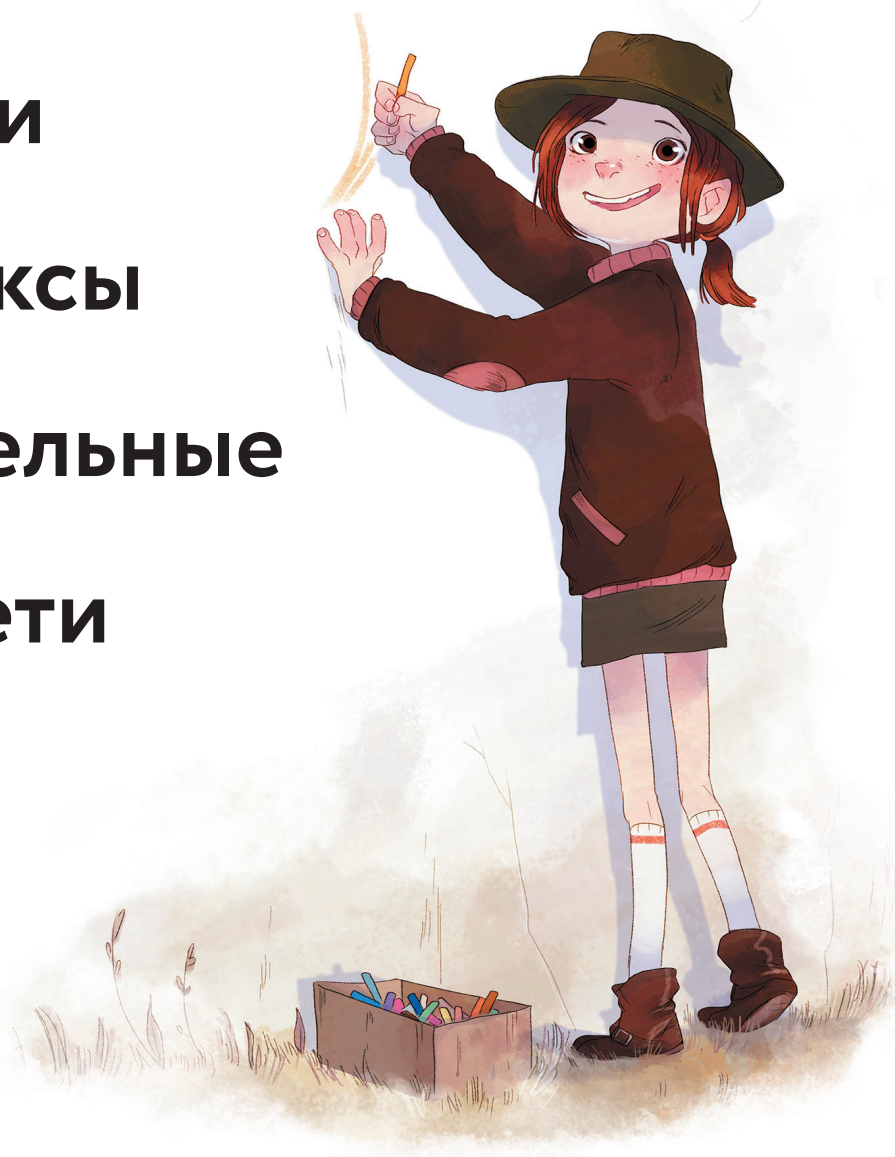
Биографии

Арт-комиксы

Познавательные

Читают дети

ПРИВЕТ!

МИФ Комиксы

Все комиксы
на одной странице:
mif.to/comics

Подписывайтесь на полезную
рассылку: книги, скидки и подарки
mif.to/com-letter

#mifcomics

Этот графический роман о человеке, который однажды оставил свое прошлое. Воспоминания и призраки на французском берегу, чтобы исполнить свое предназначение – освободить живопись. Иллюстрации Фабрицио Дори не только знакомят нас с наследием Тогена и его жизнью, но и приближают к такому желанному для художника-дунтаря el paraíso en la otra esquina, в котором он мечтал обрести покой и абсолютное единство с истинным творчеством.

*Александра Агаскина,
эксперт в области медиакommunikаций для музеев*

издательство
МАНН, ИВАНОВ И ФЕРБЕР

 vk.com/mifcomics
 [instagram.com/mifcomics](https://www.instagram.com/mifcomics)
 [telegram.me/mifcomics](https://t.me/mifcomics)

ISBN 978-5-00146-426-6

9 785001 464266 >